

АННА ДАНИЛОВА

П С И Х О Л О Г И Ч Е С К И Й д е т е к т и в

A close-up portrait of a woman with dark hair and eyes, looking directly at the camera. She is wearing a dark, textured garment. In the foreground, there is a golden skull with intricate patterns, a large white feather, and a silver sphere. The background is dark with many small, glowing stars.

ПРОКЛЯТИЕ КЛЕОПАТРЫ

Она написала свой сценарий...

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Проклятие Клеопатры

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Проклятие Клеопатры / А. Данилова — «Автор»,
2018 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-092188-1

Погожий день, типичная московская пробка, белый кабриолет, за рулем шикарная блондинка Зоя. Она лишь на секунду расслабилась под звуки любимой арии Моцарта... Зоя открыла глаза и ужаснулась: выдавшие виды развалюха-«Жигули», сзади – белый кот с зелеными глазами, за рулем – неизвестная личность жуткого вида со всеми следами алкогольного отравления, при этом у девушки – дикая головная боль и полное отсутствие понятия о том, кто ты, откуда и что здесь делаешь... Недолгое пребывание в запущенном деревенском доме поставило девушку перед очень сложным выбором: играть по правилам тех, кто мнит себя кукловодами, или написать собственный сценарий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092188-1

© Данилова А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Анна Данилова

Проклятие Клеопатры

© Дубчак А.В., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

1

Она давно уже не обращала внимания на зевак, на удивленные, восхищенные или завистливые взгляды тех, кто окружал ее в московских пробках. Она крепко держала руль своего автомобиля, белого, открытого, и наслаждалась тем, как легкий ветерок развеивал ее длинные светлые волосы, приятно охлаждал лицо. Она давно уже жила в своем мире, где ей было комфортно, хорошо и где она точно знала, что ей нужно от этой жизни и что она может дать этому миру сама.

Мысленно она отгородилась ото всех прозрачным куполом, который сотворила сама и куда практически никого не впускала. Единственный человек, которого она готова была принять в свою жизнь и любовь к которому согревала ее и придавала сил, был очень далеко. Если и вообще был. Быть может, она придумала его сама? Очаровалась им? Все может быть. Но пусть даже придуманный, он наполнял ее жизнь смыслом.

Иногда рядом с ней опускалось стекло какой-нибудь машины, и она слышала очередное предложение или пошлый комментарий. Это были мужчины, особое племя людей, которых она не понимала и считала существами низшего порядка. Конечно, были и исключения, и она воспринимала их как особую касту. Это были талантливые, наделенные особыми способностями и душой личности, и многие из них входили в ее близкий круг, четко очерченный ею. Но их было так мало!

В тот день на ней была белая шелковая блузка, поверх которой она набросила голубой джемпер. Голубые джинсы, белые мокасины. В ушах – яркая бирюза серег, на пальцах – бирюза, оправленная в золото. День был солнечный. Хотя и ветреный.

– Как ты, Лора? – Она повернулась и подмигнула собаке, черному кокер-спаниелю с шелковистой, блестящей на солнце шерстью. Расположившись на заднем сиденье, Лора послушно переносила пробку и мысленно, наверное, злилась на всех тех, кто забил машинами широкий проспект.

– Хочешь арию Царицы ночи?¹ – спросила Зоя и, не дождавшись ответа, включила Моцарта. Тихо, чтобы не дразнить всех тех, кто слушал поблизости режущую ухо попсу.

Сколько еще продлится это мучение? Может, книжку почитать? Карола Агаи² выводила свои трели не хуже соловья.

Зоя прикрыла глаза, и почти тотчас Царица ночи словно споткнулась, трели начали искажаться и вот на самой высокой ноте оборвались, уступая место хриловатому, с эстрадным душком, голосу, который выводил пошловатый текст...

Она распахнула глаза и увидела перед собой грязное, поливаемое дождем ветровое стекло, за которым тянулась серая, в сельских декорациях дорога. Зоя трянула головой, снова

¹ Царица ночи – персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта».

² Карола Агаи – венгерская актриса.

закрыла глаза и открыла их. Пейзаж не менялся. Она осторожно повернула голову и увидела сидящего на водительском месте мужика. Недельная щетина на впалых смуглых щеках, крупный нос, во рту сигарета. На нем была зеленая куртка, худую шею обнимала горловина серого шерстяного свитера. Салон старого, местами в проплешинах синей изоленты автомобиля заполнялся горьким табачным дымом и вульгарной музыкой.

– Где я?

Мужик, бросив на нее унылый взгляд, хмыкнул и покачал головой:

– Очнулась... Ты кто такая-то? – Голос был неприятный, гнусавый.

– Я?... – Зоя осмотрелась. На заднем сиденье сидела белая кошка. Зеленые ее глаза глядели на нее встревоженно. – А ты кто?

– Олег.

– И что? Куда мы едем?

– Домой, куда же еще?

– Куда домой? К кому домой?

– Ты чокнутая, что ли? Ко мне домой, конечно!

– А как я оказалась в твоей машине?

– Ну ты, мать, сбрендила окончательно! Что, крышу сорвало?

– Останови машину. Немедленно!

– Да, прямо сейчас и остановлю. А потом кто заводить-то будет? Ты, что ли?

Она ничего не понимала. Совсем.

– Мы знакомы?

– Ну, если ты скажешь мне, как тебя зовут, то будем считать, что мы знакомы.

Она силилась вспомнить свое имя, но так и не смогла.

– Я не знаю...

– Говорю же – крышу снесло! Капитально!

– Как я оказалась здесь?

– На дороге подобрал. Валялась, как труп, блин. Я вообще думал, что не довезу тебя. Но, слава богу, очнулась. Откуда ты такая?

– Ниоткуда.

Зоя была так слаба, что даже говорить не было сил. Голова страшно болела. Она потрогала ее руками – вроде бы раны нет, крови тоже. Слабый аромат духов начал было продвигать ее сознание куда-то вглубь, в какой-то цветной тоннель, но очень скоро все оборвалось.

– Где мы?

– В России, мадам. Вы – в России. Такой ответ вас устроит?

– Ты дурак, что ли? Я спрашиваю, где именно мы находимся?

– Вот приедем в деревню, и увидишь. Километров пять еще ехать.

Она замолчала. Какая еще деревня? Что она здесь делает?

Она осмотрела себя. Красный свитер, джинсы, кеды. Все старое, грязное. Страх душил ее. Куда ее везут? Что еще за деревня?

Он не ответил. Мужик, который назвался Олегом, молча крутил руль, лавируя между рытвинами. Машина – Зоя уже поняла, что это старый «Москвич», – подпрыгивала на кочках, а иногда колеса увязали в глубоких, полных воды лужах.

Указатель, синяя табличка с белыми буквами, показался Зое каким-то нереальным, словно указывающим в призрачную деревню Черная. Может, это все-таки сон? Она захлопала глазами. Потом слегка ущипнула себя. Нет, проснуться не удалось. Она вытянула руки и принялась рассматривать пальцы. Белые поперечные полоски на пальцах указывали на то, что когда-то она носила кольца и что где-то успела хорошенько загореть.

Промелькнул кадр в больной памяти – большой голубой камень на пальце. И все исчезло. Что это за камень? Бирюза?

– Отвези меня в полицию, – сказала она и напряглась. Потому что от ответа могло зависеть многое. В полиции ей помогут, хотя бы попытаются помочь. А может, отправят в больницу, где ей вернут память. Сколько уже таких историй случилось! Люди без памяти – беспроигрышный сюжет любого телевизионного шоу. Губы ее тронула горькая усмешка – она тоже может стать героиней такого вот шоу, и люди будут пялиться на нее и вспоминать, не пересекались ли их пути с этой девицей с безумным взглядом и в красном свитере.

– Неа, не отвезу. Ты мне самой годишься.

– В смысле? – У нее от страха свело живот. – Ты чего говоришь-то?

– Да нет! Не бойсь, я не в том плане. Я не насильник какой. Просто поможешь мне, ну, как баба. Приберешься в доме, пожарить сготовишь.

– Слушай, ты лучше высади меня здесь, ладно? – Она попыталась говорить с ним мирно.

– Да мы уж приехали! Вот если бы раньше мне сказала, я бы, может, и посадил. А сейчас чего? Говорю ж – приехали.

Машина запрыгала по ухабам по довольно широкой деревенской улице, замелькали крыши домов, зеленые мокрые сады, аккуратные участки с грядками.

Она вдруг подумала, что самое важное для нее сейчас – это набраться сил. Он везет ее к себе домой. Вот там она сделает вид, что у нее сил нет совсем и, типа, потеряет сознание. Тогда ему ничего другого не останется, как уложить ее в постель. Может, она сразу уснет, а если нет, то попросит хотя бы хлеба. Надо восстановить физические силы, а уж с головой она как-нибудь разберется.

Машина остановилась перед деревянными воротами, Олег вышел из машины и распахнул их. Вернулся в машину, мотор которой продолжал работать, и въехал в просторный, хотя и захламленный двор. Закрыв ворота.

– Я не могу идти, – сказала она чистую правду. Хотела соврать, что сил нет, а оказалось, что на самом деле не может идти.

– Ну ладно, – Олег невозмутимо вытащил ее за руки из машины и, как мог, неловко поднял и понес к крыльцу.

Дверь дома, серого, старого, неказистого, с голубыми наличниками, он открыл ногой. Внес Зою в темные, пропахшие плесенью и керосином сени, посадил на какой-то сундук, быстро открыл тяжелую деревянную дверь, выкрашенную рыжей масляной краской, и снова поднял на руки. Внес в маленькую, без окон комнатку и опустил на кровать. Ноги ее, неподвижные, уложил поверх голубого покрывала, прикрыл ватным пестрым одеялом.

– Ну ты, это, лежи... Я чайник согрею. Ты голодная?

Она кивнула головой. Что с ней? Почему тело ее не слушается? Но она точно не парализована, в машине-то она двигалась. Значит, не так уж все и страшно.

– Олег, стой...

Он вернулся, посмотрел на нее, обхватив большим и указательным пальцами правой руки свой заросший подбородок.

– Да не спрашивай ты меня ни о чем, не знаю я! – наморщив лицо, сказал он. – Подобрал на обочине, минут сорок тому назад. Больше я ничего про тебя не знаю.

– Может, ты мне врача вызовешь?

– А что с тобой не так? Руки-ноги целы, ты, это, стресс пережила, вот тебя и забуратило.

– Что-что?

– Ну, ты как буратино стала, не гнешься. Все пройдет.

– Я теперь, типа, в плену? – Она перешла на его язык. – Типа, да?

– Некогда мне с тобой! Вижу, что полы здесь мыть ты еще не скоро сможешь, а это значит, что мне теперь еще придется тебе картошку или яйца жарить, чтобы ты тут окончательно не окочурилась.

– У тебя сердца нет, – попробовала она взывать к его душе.

– Это у вас, у баб, сердца нет.

С этими словами он вышел из комнаты, и Зоя, лежа с закрытыми глазами, пыталась представить себе, чем хозяин этого убогого жилища занимается там, в большой комнате и на кухне.

Судя по звукам, он где-то лил воду, может, в доме нет воды, и он наливал из ведра, предположим, в миску или кастрюлю. Потом по дому поплыл запах жареных яиц. И в какой-то момент стало очень тихо. Зоя начала считать, потом сбилась со счета и на некоторое время уснула.

Открыла глаза – Олег тербил ее за плечо.

– Вот, – он протягивал ей стакан с молоком. – Правда, холодное, из холодильника, соседка дала в долг.

В мозгу сверкнула молния и осветила картинку: белая кухня, на плите кастрюлька с молоком, и звучит детский смех...

– Катя... – прошептали ее губы.

– Что, вспомнила, как тебя зовут? – Он принял из ее рук пустой стакан. Зоя вытерла губы ладонью и снова откинулась на мягкие подушки.

– У меня кольца были, – сказала она и тут же предположила: – Золотые.

– Дура, я не вор, поняла? Еще раз что-нибудь подобное скажешь – выставлю на улицу. Прямо под дождь. А ты и так больная вон какая, схватишь воспаление легких и останешься умирать где-нибудь в луже.

Перспектива безрадостная.

– Ладно, извини.

– Сейчас яйца принесу.

Она съела яичницу из двух яиц, слегка подгоревшую, но оттого показавшуюся очень вкусной. Попросила еще молока, выпила.

– Ты поспи, а я, того, тоже прилягу отдохнуть.

Зоя после ужина снова уснула.

2

– Ты вообще-то представляешь себе, сколько мы уже вбухали в твою балетную школу? Герман Иванович только и делает, что платит за твою учебу, твои наряды. А у нас тоже дети есть, между прочим, и их обучение стоит сама знаешь сколько. Лондон – как прорва, все сжирает.

Она хотела сказать им, что их мальчишки-близнецы там, в далеком Лондоне, наверняка тратят эти деньги на выпивку да девчонок. Она судит по тем видео и фотографиям, которые Егорка и Влад присылают ей на Фейсбук или электронную почту. Знают, шельмы, что она их не предаст, не выдаст. Они нормальные пацаны, добрые, да несерьезные.

Осиротев после смерти матери, Зоя переехала из своей квартиры к тете Ире, родной сестре мамы. Квартиру тетя Ира сразу же сдала квартирантам, а Зою поселила в маленькую комнатку рядом с комнатой своих сыновей-близнецов. Целый год Зоя привыкала и к тому, что осталась одна, без мамы, и к семье тети, с которой была слегка знакома, так как мама не очень-то роднилась с сестрой, и к квартире, где все было чужое и где она боялась до чего-либо дотронуться. Тетя Ирина и ее муж Герман Иванович относились к ней хорошо, заботились о ней, особенно же старались накормить как следует, но для нее важным было другое – занятия в частной балетной школе, где она к тому времени уже проучилась целый год. Занятия были дорогими, но Герман Иванович прямо на поминках, где собрались все их друзья и родственники, торжественно пообещал выучить «племяшку» в школе и постараться помочь ей при поступлении в «нормальный вуз».

Зоя же себя в нормальном вузе не видела. Ей неинтересно было ничего, кроме танца. Безусловно, незрелая в своих планах и фантазиях, она видела себя только на сцене, весьма смутно представляя весь путь танцовщицы от учащейся хореографического училища (куда не поступила) до прима-балерины Большого театра. И напрасно тетя Ира внушала ей мысль о том, что ей нужно получить нормальное образование, получить специальность.

– Я – танцовщица, – говорила она, собирая свой рюкзачок, набивая его до отказа: майка, полотенце, пуанты, моток пластыря, гель для обезболивания, коробочка со шпильками.

– Это не профессия, – увещевала ее тетка, – а так, одно баловство. Кем ты будешь, чем будешь заниматься? Танцульками? Они же не прокормят тебя, а мы с Германом Ивановичем...

Ей было уже двадцать, до окончания балетной школы оставался ровно год, и упреков со стороны родни становилось все больше и больше. Конечно, больше всех Зое доставалось от тети Иры. Если не попрекала балетной школой, так начинала озвучивать суммы, которые тратились на ее пачки, пуанты, купальники, даже сетки для волос! А ведь все это стоило не так уж и дорого, если учесть те деньги, что семейство получало от аренды маминой квартиры. Когда же Зоя попробовала заявить, что хочет жить самостоятельно, в своей квартире, в семье произошел скандал, тетя Ира быстро поставила ее на место, заявив, что несет ответственность за нее перед покойной сестрой и что, пока Зоя не станет зарабатывать сама, ни о какой самостоятельности не может быть и речи. Герман Иванович во время этих ссор все больше отмалчивался или тихо поддакивал жене.

– Зоенька, дочка, да успокойся ты уже! Занимайся своими танцами, а там видно будет, – говорил он ей, когда они оставались одни дома. – Не обращай внимания на Ирочку, она же тебе только добра желает.

Зоя все чаще стала ночевать у подружек, которые жили кто в общежитии, а кто на съемных квартирах. Она завидовала их самостоятельности, в то время как они завидовали ей, домашней девушке, у которой была крыша над головой, бесплатная еда и карманные деньги.

Девушки не тешили себя иллюзиями, все знали, что после окончания школы в лучшем случае устроятся в кордебалет или будут работать в массовках в театрах. Никто не грезил Большим театром, не обольщалась на этот счет и Зоя. Возможно, не будь она в таких сложных отношениях с родными, то послушалась бы их совета и поступила бы куда-нибудь в «нормальный» вуз или хотя бы в театральный. Но как-то уж так сложилось, что она хотела танцевать и ни о чем, кроме танцев, и думать не могла.

Дома, когда никого не было, она танцевала придуманные ею фантазийные танцы, была сама себе хореографом и меньше всего заботилась о том, как этот ее талант можно будет использовать на профессиональной сцене. Конечно, у нее нет имени и вряд ли когда будет, но что-то подсказывало ей, что она на верном пути.

Однажды ее пригласил на разговор преподаватель классического танца Сергей Пастухов. Он сказал прямо, глядя ей в глаза, что во время одной из репетиций на нее обратил внимание один человек, который пожелал познакомиться с ней поближе. Что это означало, ей не надо было объяснять. Девочкам такие предложения поступали довольно часто. Кто-то эти приглашения игнорировал, но большинство все же соглашались и становились любовницами состоятельных мужчин. Все смотрели на это по-разному, но в их среде не принято было осуждать такие вещи.

– Если ты согласишься, – сказал Пастухов, бледный худой мужчина с пышными русыми волосами (поговаривали, что он их наращивает), в черном эластичном костюме, – то я помогу тебе найти хорошую работу. У меня есть кое-какие планы относительно тебя.

– В Большой возьмут? – усмехнулась Зоя. – Не иначе!

Однако, может, настроение у нее в тот день было хорошее, и солнце светило по-весеннему ярко, да и покуражиться ей захотелось. Она согласилась, приехала в ресторан, опоздав

на четверть часа, и когда увидела серьезного мужчину в костюме, поджидавшего ее за столиком, то как-то даже запаниковала. Она представляла себе хрестоматийного бабника (приторная физиономия, брюшко, противные губы, влажный взгляд – таким был любовник ее подруги Оленьки), а тут вдруг – солидный мужчина очень приятной наружности, строгий, подтянутый. Ему бы заводами да пароходами руководить, а не девушку балетную в койку укладывать. По его строгому и приличному виду не чувствовалось, что он запал на нее как мужчина.

– Добрый вечер, – сказал он, вставая со своего места, чтобы предложить ей стул. – Я рад, что вы пришли. Шампанское?

Она пожала плечами. На ней была короткая пышная юбка из черного шелка и белая прозрачная блузка. Туфельки, черные чулочки. Она пришла, чтобы поразвлечься, покуражиться над «папиком», но теперь, когда она видела его перед собой, у нее отпало всякое желание вообще иметь с ним дело.

– Вы знаете, я, пожалуй, пойду, – сказала она, вдруг приняв решение уйти сразу, не дожидаясь развязки. Вот просто встать и уйти.

– Пожалуйста, не надо, – взмолился он. – Вы же не знаете, что я собираюсь вам предложить!

– Ну да, я же такая глупая!

– Я не о том... Понимаете, у меня есть жена, но она бесплодна. И я хочу предложить вам родить мне ребенка.

– Что-о-о?! Вы что, шутите? Какой еще ребенок! Я же балетом занимаюсь, какие еще роды? Найдите себе суррогатную мать – и вперед! С песнями! Я вам что, инкубатор?

Если бы ей кто-нибудь сказал тогда, что уже через девять месяцев она станет инкубатором или просто толстухой, носящей огромный живот, она расхохоталась бы в лицо этому смельчаку и дураку.

– Мне нужна женщина, которая родила бы мне наследника, но так, чтобы моя жена ни о чем не догадалась. У нас довольно сложные отношения, но разводиться я с ней не стану. Думаю, что вам и необязательно все это знать. Просто скажите – да или нет?

– Конечно, нет!

– Вас даже не интересуют условия?

– Нисколько. Зачем мне выслушивать ваши условия, когда я не собираюсь рожать вам наследника?

– Да вы будете обеспеченной всю вашу жизнь!

– Во-первых, я вам не верю, все это слова. Во-вторых, даже если бы я согласилась, то рано или поздно о моем существовании узнала бы ваша жена и плеснула бы мне в лицо кислотой или заказала бы меня. В-третьих, я, пожалуй, выпью шампанского и пойду себе. Хорошо?

– Сергей мне так и сказал – она не согласится.

– Знаете, я еще молода, у меня впереди вся жизнь, и я не собираюсь становиться клушей. И вообще, какая же все это глупость!!!

Она все же поднялась со своего места. И в это самое время официант принес шампанское, открыл и разлил по бокалам.

– Но вы позволите мне хотя бы изредка звонить вам?

– Я даже не знаю вашего имени.

– Петр Аркадьевич Захаров, – он протянул ей визитку, тисненную золотом. – Можно просто – Петр.

– Хорошо, что не Петя, – Зоя залпом выпила шампанское. – Ну, хорошо, приятно было познакомиться. Хотя нет... Пойдите.

Она снова вернулась за столик.

– Почему именно я?

– Красивая, здоровая, – он пожал плечами, не зная, что и сказать. – Мне сказали, что вы из хорошей семьи.

– И вы бы сделали мне ребенка и испарились из моей жизни?

– Не думаю, – ответил он растерянно.

Зоя посмотрела на часы.

– Мне пора. Скоро закончится одно мероприятие, куда я приглашена.

– А мне можно с вами?

– Да пожалуйста. Это здесь, кстати говоря, не так далеко, через улицу. Там арт-галерея «Анаис». Друг моей подруги, Артем Собакин, устраивает выставку своих странных фоторабот. Хотите, вместе посмотрим?

– Я знаю эту галерею, там мой приятель устраивал выставку. Но, может, вы хотя бы поужинаете?

– Листик салата найдется и у меня дома. А свиные отбивные мне нельзя.

Захаров подозвал официанта, расплатился с ним, и они вышли в ночь.

В мокром асфальте отражался свет уличных фонарей. Воздух был прохладным. Зоя задрожала в своих тонких чулочках и коротком плащике. Захаров набросил ей на плечи свой огромный, просто сокрушительный плащ, и теперь она шла, путаясь в его полах, словно пробираясь по волнам к берегу. Вцепившись в локоть своего спутника, она спрашивала себя: это насколько же нужно потеряться в этой жизни, чтобы просить совершенно незнакомую девушку родить ему наследника?! Какая же чушь! И почему жена не должна ничего знать?

Рука Захарова обнимала ее за плечи, он сопровождал ее до галереи. Между тем его машина была припаркована рядом с рестораном, причем машина огромная, черная и блестящая, под стать своему хозяину. Почему она отказалась, чтобы они поехали в галерею на машине, она и сама не знала. Сказала скорее машинально, настроенная отвечать отрицательно на все его предложения и вопросы, вот и все. И вот теперь семенит на тоненьких каблукках, перепрыгивая через лужи и повиснув на руке нового знакомого, мерзнет.

Галерея была так ярко освещена, что Зоя зажмурилась, едва они переступили порог. Все посетители, среди которых было много знакомых, балетных и художников, театралов и просто посторонних, занимались собой, и никто к Зое не подошел. Даже Собакин, который дважды просил ее позировать ему и однажды вообще объяснился в любви, не обратил на ее приход никакого внимания.

В дальнем углу был накрыт фуршетный стол, все гости ходили с бокалами в руках, останавливаясь возле «шедевров» Собакина, обсуждая их, восхищаясь. На сей раз Собакин выставил не только свои фотоработы, но и картины, причем весьма странные, но как бы модные, эпатажные. Некоторые полотна были прошиты грубыми нитками, которыми крепились самые разные предметы: маленькие деревянные лодки, бумажные солнца, колеса машин, женские волосы, даже белье. Не обошлось и без страннейших конструкций, состоящих из набора мало сочетаемых механизмов, вещей, бумажных фигур, веников и даже бутылок с водкой.

– Не люблю я этот стиль, – пришла к выводу Зоя, изредка поглядывая на своего спутника, с любопытством разглядывающего картины и экспонаты художника. – Какое-то нагромождение предметов. Бред, короче.

– Зачем же пришли?

– Чтобы поддержать Собакина. А вам все это нравится?

– Все сложно, – уклонился Захаров от прямого ответа. – Хотите, я куплю для вас что-нибудь? И у вас память обо мне останется, и Собакину хорошо.

– Нет уж, увольте.

– Извините, я на минутку...

Захаров исчез, растворился в толпе, и уже очень скоро вернулся с высоким худым мужчиной. Русые с проседью волосы коротко подстрижены. Синие джинсы, желтый пиджак. Глаза – разные. Один синий, другой – черный.

– Вот это экспонат... – начала было уже Зоя да вдруг замолчала. Просто онемела. Она узнала этого человека. Была как-то на презентации его книги на книжной ярмарке года два тому назад.

– Вот, Зоенька, познакомьтесь, это...

– Он не нуждается в представлении, – сказала она, не сводя взгляда с его сине-голубых глаз. – Вы же – Александр Шорохофф, писатель-фантаст.

Писатель улыбнулся одними губами. Ему, похоже, было по барабану, узнают его или нет. Не того полета человек, он давно уже привык к своей славе, но относился к ней спокойно, как и подобает гению.

– Надо же, – восхитился Захаров. – Я и не знал, что вы интересуетесь литературой.

– Я интересуюсь писателями, – улыбнулась она, решив, что ей простят эту детскую дерзость. – Особенно такими вот, гениальными. Скажите, Шорохофф, если вы закроете голубой глаз, то все увидите в мрачном, черном свете? И если черный – то все вокруг окрасится в голубой цвет?

– Я дальтоник, – он буквально прожег ее взглядом.

3

От молока отказаться было невозможно. Оно было вкусное, полезное и, главное, придавало сил. Вот только голова не работала – она ничего не помнила.

Олег называл ее теперь Катей. «Что ж, пусть буду Катей», – подумала она.

Олег пил. Пару раз заглядывал вечером в комнатку, где она лежала на подушках, откидывал одеяло, пытаясь взгроздиться на нее, но она сбрасывала его, грубо матерясь. Понимала, что вежливость – не самый лучший инструмент для общения с этим пьяницей.

– Еще раз подкатишь – задушу, – предупредила она.

Поздно ночью, когда он наконец заснул на своем продавленном диванчике перед столиком, заставленным пустыми бутылками из-под водки и пива, она встала, чтобы помыться. Нашла в сенях заросший паутиной кипятильник, опустила его, предварительно вымыв, в одно из ведер с водой, нагрела и помылась при помощи ковшика и таза. Даже голову удалось вымыть остатками загустевшего и крепко пахнувшего карамелью детского шампуня «Кря-кря».

По дому поплыли сладкие мыльные запахи. Подтерев пол после «бани», она вернулась к себе в комнатку и легла.

Запах. Он слегка приоткрыл дверцу памяти.

– Женечка, – прошептала она.

И тут ее пробило, она вскочила, замотала головой.

Женя! Макс! Ее мальчики. Детки. Что с ними? Она закрыла ладонями лицо – щеки горели.

Ярким полотном предстала перед глазами вся ее жизнь. Сердце подскочило к горлу.

Как она оказалась здесь, в забытой богом деревне? И куда же подевалась та, прежняя ее жизнь? Что стало с ее детьми? Катя... Да, няня Катя. Если дети живы, то они с Катей. В Москве. Да, она жила в Москве.

Она стояла в пробке на Кутузовском проспекте, слушала Моцарта в белом кабриолете. И все. Больше она ничего не помнит. А где Лора, ее любимая собака? Что с ней?

Зоя села на постели. Зоя – ее зовут Зоя. Фамилия – Рыбак.

Постепенно оживали, проступая яркими воспоминаниями, все те, кто окружал ее, с кем она жила, работала, кому улыбалась, с кем проводила время и кого любила.

Слезы хлынули лишь тогда, когда она «увидела» знакомое и так любимое ею лицо. Что с ним? Жив ли? Знает ли, что она исчезла? Что ее нет?

Вся прошлая жизнь цветным, шумным и мощным водопадом хлынула на ее сознание, сметая оставшиеся силы. Зоя повалилась на кровать, закрыв ладонями уши, боясь, что какофония звуков взорвет и без того уставший мозг.

Но прошло некоторое время, звуковой ряд никак не проявился, и постепенно вся информация, которая так напугала ее в самом начале и внесла в ее сознание некий хаос, выстроилась в примерном хронологическом порядке, и она стала успокаиваться. В сущности, пока она жива, можно сказать, что ничего фатального не произошло. Она была уверена, что и с детьми все в порядке и что они по-прежнему с Катей. Катя – подруга, родной, близкий ей человек, и она никогда не бросит мальчиков.

В какой-то момент она вдруг с предельной ясностью поняла, кто стоит за ее похищением, и издала нервный смешок. Никто не желал ей смерти, это точно. Ей предлагалось просто пройти определенные испытания, и все то, что с ней сейчас происходит, – своеобразная игра, замешанная на мести.

Как же это все глупо! Она всегда с недоверием относилась к мужчинам, презирала их за то чувство превосходства, которое они получают с молоком матери и которое культивируется на протяжении всей их жизни. Да все общество работает на это самое чувство превосходства над женщиной! И ведь мало того, что они спокойно пребывают в этом своем комфортном психологическом состоянии, они еще смеют озвучивать это, унижая женщину. Так, стоп! Надо остановиться и прекратить думать об этом. Не самое подходящее время для философствования, когда ты находишься в деревне Черная, в доме пьяницы, в чужой постели, да к тому же еще и без сил, без денег. Надо поднакопить силы, а для этого нужна еда. Пусть это будет молоко, которого вдоволь. Но, может, в буфете, что стоит на кухне, она найдет какую-нибудь крупу? А в саду, даже несмотря на то, что хозяин – пьяница, могут сами по себе вырасти какие-нибудь ранние овощи, зелень. Вот утром она и займется поисками настоящей еды и витаминов. А сейчас – спать.

4

Он не был дальтоником. Он сказал, что у нее глаза цвета меда. А губы, которые он целовал, были калиновые, яркие.

Утром у него был самолет, он жил на две страны, и уже в обед был в Париже, рядом со своей женой.

– Вы беременны, поздравляю, – сказала доктор после того, как Зоя сошла с холодного гинекологического кресла и оделась.

Она вышла из кабинета потрясенная и счастливая. Теперь ей уже было не до учебы. Теперь она была драгоценным сосудом, в котором зародилась жизнь Шорохоффа. И ей было все равно, будет ли это девочка или мальчик. Это будет красивый и невероятно талантливый ребенок.

– Я уйду из школы, – объявила она в тот же день Пастухову. Тот не понял ее, почему-то обрадовался.

– Я рад за тебя, – сказал он. – Захаров – порядочный человек, он обеспечит твое будущее.

Она не стала ему ничего объяснять, просто забрала из своего шкафчика вещи, сложила их в рюкзачок и покинула школу.

– Я ушла из школы, – сообщила она о своем решении тете Ире.

– Как? – Она опустила на стул и всплеснула руками. – Почему, зачем? Решила поступать в институт? В какой? Или в университет?

– Я еще не решила.

– Ну, хорошо...

Тетка казалась растерянной.

– Ну, ты уж поскорее определяйся. К чему у тебя есть наклонности?

– Пока ни к чему, – спокойно ответила Зоя и отправилась в свою комнату, легла и закрыла глаза. Ей надо было все хорошенько обдумать. Понятное дело, что ей надо было уходить от родственников. Что ж, у нее есть квартира, вот там она и поселится, будет ждать родов. А зарабатывать она будет танцами, пока здоровье позволит.

Вечером за ужином она сказала, что не собирается и дальше сидеть на шее у родных, что хочет жить самостоятельно. Что в ближайшее время займется поисками работы, будет танцевать.

– Я не поняла, где ты будешь жить? – спросила, густо краснея, Ирина. – Снимешь квартиру?

– Зачем же снимать, когда у меня есть своя? Попросите квартирантов уйти, и все. В чем проблема? Или вы считаете, что у меня нет прав на эту квартиру? – Зоя была в недоумении. Снимать квартиру? Они что, совсем берега попутали?

Герман Иванович быстрым шагом покинул комнату.

– У тебя нет квартиры, – после небольшой паузы сказала Ирина, встала и заняла, как показалось Зое, чуть ли не оборонительную позицию.

– Я понимаю, вам будет трудно договариваться с жильцами, но придется. Мне двадцать лет, понимаете? Я имею право жить самостоятельно, в своей квартире. И вы меня уже не оставьте. В крайнем случае, если вам уж так трудно, я могу сама с ними поговорить. Я найду с ними общий язык. Или вы хотите сказать, они заплатили за год вперед?

– Квартиры нет. Давно. Мы продали ее в прошлом году.

Вот этого она никак не ожидала.

– Вы обманываете меня... – начала она бормотать, чувствуя, как ее охватывает нервная дрожь. – Этого не может быть!

– Может.

– Но я – хозяйка этой квартиры. Наследница.

– Ты ничего не докажешь. К тому же ты полтора года тому назад сама подписала доверенность на Германа Ивановича.

– Нет, я ничего не подписывала!

– Подписывала. Просто он сказал тебе, что тебе надо подписать документ, в котором ты не возражаешь против ремонта подъезда вашего дома... И ты подписала.

– То есть вы подсунули мне доверенность... Но как, как вы могли так со мной поступить? – Слезы обиды покатались по щекам.

– А что ты так удивляешься? Ты жила вместе с нами, у тебя была своя комната, мы тебя прописали у себя... Мы тебя кормили, оплачивали твою учебу. А с какой стати-то? Мы что, миллионеры? Мальчиков надо было учить, вот мы и решили, что этих денег хватит на их образование за границей.

– Да вы спятили? Я подам на вас в суд!

– Хоть сто порций! Но мы, наша семья – не благотворительная организация...

Зоя плохо помнила, что было потом. Видимо, с ней случилась истерика, она носилась по квартире, собирая свои вещи и укладывая их в большой чемодан. Поднимать его сама она не стала, понимала, несмотря на то что ей в тот момент было очень плохо и она мало что соображала: такой тяжелый чемодан может навредить ребенку. Поэтому позвонила своему другу и попросила приехать, помочь ей перевезти вещи.

Голова кружилась, ноги не держали Зою, приятель-танцовщик Юра привез ее к себе домой.

Маленькая квартирka с единственной комнатой, большую часть которой занимает кровать, а все остальное пространство – сплошные зеркала и балетный станок.

– Ложись и отдыхай, – сказал Юра. – А я пока приготовлю что-нибудь поесть.

Он не задавал вопросов, и она была ему очень благодарна за это.

– Может, тебе таблетку дать? – спросил Юра, показавшись в дверях в фартучке и с половником в руке.

Зоя улыбнулась. Юра был геем, все это знали, и никто из их компании его не осуждал. Он был приятным в общении, учтивым, щедрым на подарки и переполненный тайнами. Все понимали, что у него есть покровитель, но кто именно – никто не знал.

– Нет, не надо таблетку, голова и так скоро пройдет, я знаю, где помассировать виски, еще около ноздрей... это работает.

– Хорошо. Как скажешь. Спагетти скоро будут готовы.

Он накрыл столик в комнате, Зоя поела с аппетитом.

– Мне нужна работа и немного денег на первое время, я потом отдам.

– Хочешь снять квартиру?

– Конечно. Мою-то они продали. Гады!

– Может, я скажу сейчас очень странную вещь, и ты даже, возможно, подумаешь, что я говорю глупость... Знаешь, думаю, это судьба. Вся эта ситуация. Рано или поздно в жизни надо все изменить. С кем-то расстаться навсегда, с кем-то, наоборот, встретиться. Жизнь не стоит на месте. Понимаю, звучит как банальность, но это действительно так. И то, что ты у меня сейчас здесь, – не случайность. Значит, так и должно было произойти, понимаешь?

– И спагетти твои – тоже закономерность? Судьба? – Она нервно захныкала.

– Да.

– Но я не знаю, как мне выкрутить... Я же ничего не умею. И у меня ничего нет.

– Ты молода, красива, у тебя великолепное тело.

– Юра, что ты собираешься мне предложить?

– Совсем не то, во всяком случае, о чем ты сейчас подумала. Клуб. Стриптиз-клуб «Золотая нимфа».

– Я знаю, где это. Там работает Наташа Сурова. Это бордель?

– Ничего подобного. Говорю же: стрип-клуб. Очень дорогой, там хорошо платят. Интимы не будет, если сама не захочешь. Я знаю это точно.

– Вообще-то я знакома с Наташей, она ни за что не согласилась бы работать в борделе, это абсурд!

– Правильно! Она воспитывает младшую сестру, ей нужны были деньги, и я помог ей туда устроиться. Ее сестренка учится уже на втором курсе университета!

– Вот бы мне с ней встретиться и поговорить!

– Без проблем. Я устрою вам встречу.

В ту ночь она почти не спала. Лежала рядом с Юрой, правда, под отдельным одеялом и никак не могла осознать, что с ней так подло поступили. Подсунули ей доверенность, продали ее квартиру, да еще и упрекали каждый раз, что тратят на нее большие деньги!

Устремив взгляд в белеющий потолок, по которому скользили голубые тени проезжающих где-то за окном машин, Зоя мысленно обращалась к маме, просила у нее прощения за то, что была так легкомысленна и невнимательна и дала себя обмануть.

– Мама, она же твоя сестра, я верила ей! – обращалась она к теням на потолке.

Как же много всего произошло за последний месяц! Ночь, проведенная в объятиях Шорохоффа, мужчины, о котором она и мечтать не могла. Нежный, ласковый, умный и одно-

временно очень далекий и принадлежащий своей жене. Там, в арт-клубе, куда она пришла вместе с Захаровым, едва познакомившись с ним, она поняла, что эти сине-черные его глаза достали ее до самого дна. Никогда она еще не была так взволнованна, так счастлива и грустна одновременно. С ней что-то происходило, ей хотелось взять его за руку и не отпускать. Она знала: ему за пятьдесят, он старше ее на тридцать лет, но почему же тогда так молодо и свежо он выглядит? Откуда эти длинные, тягучие и магнетические взгляды, которыми он проникал в нее? Что случилось на той выставке? Почему сердце ее билось так сильно, что она ладонями пыталась сдерживать это биение? Она задыхалась. Что это – любовь? Откуда? Конечно, страсть! Желание, и такое мощное, что она словно за один вечер растеряла почти все свои чувства, кроме одного, которое проглотило ее, как зверь. Она почти ничего не слышала и не видела, разум так и вовсе отключился. Она хотела одного – чтобы все покинули галерею, чтобы, как после звонка террориста-идиота, все бросились к выходу и они с Шорохоффым остались вдвоем. Чтобы он обнял ее и поцеловал.

Она даже не помнила, как они расстались с Захаровым. Помнила только горячую мужскую ладонь, которая схватила ее за руку и вывела на свежий воздух. Она пылала. В такси они целовались. Голова Зои при этом не присутствовала. Она осталась где-то там, в галерее... Было только тело, которое ей самой напомнило весенний зеленый бутон. Еще немного солнца, тепла, и она лопнет, распустится цветок, на который сядет золотая пчела... Шорохофф стал ее первым мужчиной.

На другое утро в дверь позвонили, Юра в шелковом халате пошел открывать. Она слышала мужской голос. Спряталась под одеяло, подумав, что пришел любовник и покровитель Юры. А что, если он устроит ему сцену ревности, увидев в его постели девушку?

– Тссс... – Юра провел своего гостя в комнату. – Она спит.

Зоя замерла. Что сейчас будет?

– Давай, показывай... – услышала она и, кажется, перестала дышать.

– Клади сюда, на столик... Матерь Божья, какая красота! Это настоящие изумруды?

Зоя и сама не поняла, как она сдернула с головы одеяло и поднялась, села на постели. Юра и его приятель, невысокий и очень сутулый молодой человек с белокурыми волосами и ангельским лицом, еще не знавшим бритвы, разглядывали разложенное на столике кольцо с зелеными камнями.

– Нет, конечно, откуда у меня такие изумруды... Это как бы эскиз, стекляшки... – ответил Ангел.

– Доброе утро, – заявила о себе Зоя, выползая из постели в пижаме и усаживаясь напротив молодых людей. – На самом деле, очень красиво!

– Зоя, познакомься, это Вик, мой друг, ювелир. Он учится ювелирному делу у одного человека, тоже моего знакомого. Вот готовит ему сюрприз. Если повезет, то этот эскиз будет использован для работы уже с настоящими, драгоценными материалами.

– Хотите примерить? – Вик взял кольцо и протянул Зое.

– Розовая полосатая пижама и кольцо с изумрудами?... – улыбнулась она. Однако кольцо приняла и приложила к груди, расстегнув несколько пуговиц. Юра поднес ей зеркало. – Очень красиво. Пообещайте мне, что, когда это кольцо обретет настоящие изумруды, вы покажете его мне.

– Обещаю, – Вик улыбнулся ей.

Нет, он не был покровителем Юры. Просто друг. Талантливый, как и Юра.

– Ни пуха! – сказал ему перед уходом Юра, закрывая за ним дверь.

– У него руки золотые, – сказала Зоя. – Очень красивое кольцо получилось. Какое-то необычное, рисунок словно взят из природы, что я очень люблю... Листья, бутоны... и все такое несимметричное, оригинальное... Хорошо бы еще найти изумруды разных оттенков, для бутонов посветлее, а для уже распустившихся листьев – потемнее...

– Ну что, красавица, кофе?

– Нет, чай с молоком, если можно, – сказала Зоя, заботясь о ребенке Шорохоффа.

– Как скажешь!

Вечером Юра уже перевозил ее на квартиру, расположенную на соседней улице. Нашли ее случайно, соседка, заглянувшая к Юре одолжить немного денег, сказала, что ее знакомая, живущая неподалеку, как раз собирается давать объявление о сдаче квартиры, да только все не решается, боится, что ее обманут, не заплатят или вообще лишат жилища.

– Ну как, у тебя остались еще силы, чтобы встретиться с Наташей? – спросил Юра, когда дверь за хозяйкой квартиры, которой Юра заплатил сразу за три месяца, закрылась.

– Да, остались, – сказала Зоя, хотя совершенно не была готова к встрече со своей знакомой, девушкой из их балетной школы, которая сейчас работала в стрип-клубе «Золотая нимфа». – А ты уверен, что она расскажет мне всю правду?

– Ты же знаешь Сурову, она не такая.

– Да мы все сначала «не такие», – зачем-то сказала Зоя, хотя про себя-то она давно уже все решила. Никаких интимных услуг она оказывать не станет ни за какие деньги. Она не так давно отказала Захарову, предложение которого по финансам было более чем привлекательным. А что уж говорить о каком-то там стрип-клубе?

К тому же достанься она ему девственницей, быть может, Захаров и женился бы на ней, чем черт не шутит?!

Но, вспоминая Захарова, их встречу в ресторане, а потом и то, как некрасиво она обошлась с ним на выставке Собакина, ей становилось не по себе. Да, на самом деле, зря она так с ним рассталась. Жизнь-то, она вон как повернулась. Теперь она совсем одна, беременная, без работы.

– Поехали к Суровой.

5

Утром она сделала вылазку в сад. Нашла в молодых, ярко-зеленых сорняках несколько знакомых листьев, потянув за которые вытащила редиску. Побродив по саду, нашла и заросли клубники, сорвала несколько крупных сочных ягод и с удовольствием съела. Лучок рос, оказывается, прямо под окном, рядом с розовыми кустами, усыпанными бутонами.

«Навитаминилась» и вернулась в дом. Олег спал, рулады его храпа разносились по всему дому.

Зоя надела болоньевую куртку, которую нашла на крючке возле двери, коричневую вязаную шапку, скрывшую волосы, нацепила солнцезащитные очки, чтобы уж ее точно никто не узнал – мало ли что, – вышла из дома, открыла калитку и оказалась на улице. «Все ушли на фронт», – подумала она, шагая по совершенно пустынной улице. Было тихо, сады были покрыты розовым пышным цветом яблонь и нежной цветочной пеной вишневых деревьев, на электрических проводах, протянутых наподобие классического нотного стана, живыми нотами-«восьмерками» подрагивали на своих тонких лапках воробьи. Они весело щебетали, глупые, не понимая того, как коротка их жизнь и насколько может зависеть она от какого-нибудь проворного котяры. Цап-царап – и нет воробья. Цап-царап – и Зоя в деревне Черная. Но пока еще живая и относительно здоровая.

Она свернула за угол, увидела магазин, возле которого толпились люди. Рядом стояла машина, из которой выгружали деревянные поддоны с хлебом. Зоя остановилась, разглядывая людей. Все как на подбор – очень странные, словно сошедшие с полотен Босха. «Или же у меня что-то с мозгами или зрением, почему мне все кажется каким-то вытянутым, уродливым?» Один парень – высокий, стройный, в джинсах, с копной темных густейших волос, но как же уродовал его длинный, свисающий каплей нос! Рядом с ним стояла миниатюрная блондинка,

широкие скулы которой словно тянулись к ушам, и при этом у нее были огромные голубые глаза и явно натуральные кудри, – да и фигурка была точеная.

Остальные жители деревни были примерно той же, странной масти, некрасивые, но крайне обаятельные. Они переговаривались между собой, обменивались улыбками и вообще показались Зое вполне приятными людьми. Ей вдруг пришло в голову, что они и не замечают своей, далекой от красоты, внешности.

Что было делать в магазине без денег?

Зоя повернула обратно. А как захотелось свежего хлеба!!!

Решив, что в карманах Олега, быть может, завалялась какая-нибудь мелочь, на которую можно купить хлеб, она вернулась в дом. Олег по-прежнему спал.

Поискав деньги в карманах спящего и не найдя ничего, Зоя достала из холодильника, который, к счастью, работал (несмотря на то, что хозяин жил, как птичка, без денег и любого рода ответственности), банку с остатками молока, налила в кружку и поставила греться на плиту. Охота копаться в грязном, с черными зернами мышиного помета буфете в поисках крупы отпала.

Выпив теплого молока с остатками сухого хлеба, она вернулась за свою занавеску и легла.

Проснувшись, услышав мужские голоса. Один, блеющий, Олега, другой – мощный, густой, с напором и развязностью – принадлежал лицу властному и недовольному жизнью.

– Если увидишь эту бабу где, ты же везде мотыляешься, сразу же сигнализируй. Понятно?

– Да не смотрю я на баб... – через икоту мямлил Олег.

– Повтори, как она выглядит?

– Ну, баба как баба. Высокая, худая, с белыми волосами, одета в джинсы и красный, кажись, свитер. В кедах. А чего она сделала-то? Чего натворила? Наркоманка, что ли?

– Да нет, мне позвонили из управления и сказали, что она целую семью вырезала в Большой Антоновке.

– Чего-чего? – Олег словно начал просыпаться. – Она? Перерезала? Баба? Тощая и в красном свитере? Да быть того не может!

– Семья фермеров. Богатые, говорят, люди.

В Зою словно выстрелили. Она, Зоя, вырезала семью фермеров?! Замечательно придумано. Ума-то – палата!

И тут произошло неожиданное, невероятное – она чихнула. Раньше она думала, что такие совпадения бывает только в кино, когда в самый неподходящий момент спрятавшийся герой вдруг дает о себе знать чихом или кашлем. Сейчас же это произошло с ней самой.

– Кто это у тебя там? – Полицейский в новенькой форме, этакий толстяк с лоснящейся рожей, распахнул занавеску и, не успев ничего сообразить, получил удар огромной подушкой по лицу, затем кто-то проскочил мимо него, бросился к двери, в сенях раздался шум, грохот, звон опрокинутых ведер, и после наступила тишина.

– Ты... мать твою... кто это был?

– Я не знаю... понятия не имею.

– Баба?

– Какая еще баба? Ты чего, Валерий Иванович? Чего бабе здесь у меня делать-то? Денег нет, водки, сам видишь, тоже...

– Но не приснилось же мне это?

– Может, собака? Я же, когда за грибами отправляюсь, двери не запираю...

– Какие еще грибы в мае? Ты же металлом занимаешься, все знают, что ты металл ворует да сдаешь на перекрестке, на площадке...

Валерий Иванович осторожно вошел в темную комнатку, приподняв над головой ситцевую занавеску, огляделся. Кровать с несвежей постелью. Ни одной вещи, указывающей на женщину. Как и на мужчину. Никого.

– Ну... не знаю... Кто-то же был.

– Привидение, должно быть, – не выдержав, растекся в пьяной улыбке Олег. – Ну не знаю я, правда. Баб-то у меня давно не было, я же того... не могу уже... Все пропилил. Всю силу мужскую.

– Идиот ты, Олег, понятно? Ладно, я тебя предупредил. Да, кстати... Если увидишь где эту бабу, блондинку-то городскую, сигнализируй, а я тебе за это бутылку поставлю. Понял?

– Да как не понять-то, Валерий Иваныч!

Зоя огородами бежала в сторону магазина. Там – деньги. А деньги – это возможность добраться до Москвы.

Она устроила наблюдательный пункт в лопухах, на участке, прилегающем к магазину, и следила за тем, что происходит. Выяснила, что за магазином есть маленькое строение – уличный туалет. Именно туда уже два раза забегала, постоянно оглядываясь, продавщица. Выйдет, осмотрится и потом, не запирая дверей, бросается в туалет и быстро-быстро обратно, на рабочее место.

Зоя, следуя ее примеру, тоже осмотрелась и быстро пробежала от лопухов к туалету и дальше, к реке, нашла в траве палку, служившую раньше частью лопаты или косы, вернулась к туалету и, изнемогая от мерзкого запаха, стала ждать появления продавщицы. Была жара, женщина, видно, пила много жидкости, поэтому и бегала так часто. Когда она в очередной раз скрылась за кирпичной стеной туалета и заперлась, Зоя подперла дверь палкой, стараясь не шуметь, и бросилась в магазин. Захлопнув за собой дверь, она заперла ее на тяжелый металлический крюк и кинулась к кассе. Вернее даже, это была не касса, а просто картонная коробка в выдвижном ящике прилавка. Схватив пакет, сунула туда всю выручку, потом взяла другой пакет и начала засовывать в него консервы, хлеб, зачем-то сунула пачку масла и халву, вернулась к двери – прислушалась. Тихо.

Она вышла из магазина и спокойным шагом направилась снова к спасительным лопухам. И только спустя несколько минут до нее донеслись крики продавщицы, пытавшейся выйти из туалета: «Люди, помогите! Заперли!!!»

– Ну ты, мать, даешь! – в голосе Олега звучало неподдельное уважение и восхищение. – И как это ты его, подушкой! Вот я бы сроду не догадался!

– А что еще оставалось делать? Ждать, когда меня схватят и отведут в полицию? Надеюсь, ты ему не поверил, что я кого-то там зарезала? Все это чушь собачья.

– Но ты же ничего не помнишь!

– Ладно, Олег, хватит об этом. Ты мне лучше скажи, как ты сам-то до такой жизни докатился? И как вообще живешь? На что?

– Металлом пробавляюсь. Где что увижу – везу на площадку. Там мой кореш работает, платит мне. На эти деньги бензин покупаю, хлеб.

– Ты бы прекращал пить-то! Погибнешь.

– Не лезь в мою жизнь. Скажи спасибо, что тебя не выдал.

– Отвези меня на станцию. Я тебе денег дам. Пять тысяч хватит?

– Ба! Откуда у тебя деньги? – Он вытаращил на нее глаза.

– Не важно. Так отвезешь?

– Да я за такие деньги тебя куда хочешь отвезу.

– Мне в Москву надо. Мы сейчас где? Какая хоть область? Предполагаю, что не так уж и далеко от столицы.

- Владимирская.
- Примерно так я и предполагала. Так что, отвезешь?
- Ну да.
- Ставь чайник, поедим да поедем.

Всю дорогу до станции Олег посматривал на нее с опаской. Может, боялся, а может, просто был удивлен происшедшими с ней переменами. Чай они пили с маслом и халвой, возможно, он догадался, что она наведалась в магазин. Когда вернется, услышит, что магазин ограбили, а продавщицу заперли в туалете. Но будет молчать и молча дома доедать халву.

– Спасибо тебе, Олег, – сказала она ему на прощанье. – Может, когда-нибудь и свидимся.

– Ты это... поторопись... Вон проводница, иди договаривайся. Паспорта-то у тебя нет, может и не посадить.

– Заплачу ей – посадит, куда денется, – с уверенностью сказала Зоя.

– Ты так и не вспомнила, кто ты и откуда? Почему решила, что тебе нужно в Москву?

– Вроде меня Катей зовут, а про Москву сказала сама не знаю почему. Все-таки столица. Пойду в полицию, скажу, так, мол, и так, потеряла память. Может, в больничку положат. Память восстановят. Гипнозом там или еще чем.

– Рисковая ты девка!

– Не жалеешь, что меня подобрал?

– Жалею. Думал, приберешься у меня, поживешь немного... Да ладно, чего уж там! Давай иди к проводнице, а я подожду здесь. Вдруг не посадят, тогда обратно вернемся.

Но проводница, взяв деньги, разместила ее в своем купе. Даже чаю с лимоном дала.

– От мужа сбежала? – спросила она, когда поезд уже тронулся.

Зоя кивнула головой.

– Бил?

Она снова кивнула.

– Все наши беды бабские от мужиков, – озвучила сделанный на собственном опыте вывод проводница, молодящаяся женщина средних лет в синей форме и красивой пилоточке. Лицо ее было так густо напудрено, что, казалось, вот-вот растрескается, как старая штукатурка и начнет отваливаться кусками.

Зоя в третий раз кивнула, забралась под одеяло и закрыла глаза.

Главное теперь – добраться до Москвы. А там уже будет легче. Там Катя и дети. Хотя, возможно, за квартирой следят, но ничего, она найдет способ передать ей записку.

Ее разбудила проводница. Она совала ей в лицо лист бумаги с фотороботом, в чертах которого можно было увидеть сходство с лицом Зои.

– Ты, девонька, это... Я не хочу проблем. Сейчас будет станция, и сойдешь, поняла? Сам начальник поезда был, дал мне вот это. Сказал, что дамочка эта, то есть ты, – проводница ткнула пальцем в фоторобот, – опасная преступница.

– Но это не я...

– Ты это кому-нибудь другому расскажи. Может, и ошибочка вышла, да только повторяю: мне не нужны проблемы. Выйдешь – и все. Тысячу я тебе верну, не хочу грех на душу брать, но остальные останутся у меня. Ты поняла?

Ее высадили в Орехово-Зуево. Город. Что там делать? Если бы не слабость во всем теле, можно было бы договориться с таксистом, чтобы ее довезли до Москвы. Но голова кружилась так, что она в любой момент могла потерять сознание. Надо было где-то отлежаться. Но где? Денег оставалось совсем немного.

Она все же подошла к таксисту, одиноко кутившему в сторонке, пожилому мужчине с озабоченным лицом.

– Помогите мне. От мужа сбежала, надо бы спрятаться где-нибудь за городом, снять комнату или дачу...

Мужчина окинул ее внимательным взглядом. Она и сама знала, что выглядит ужасно в старом свитере, бледная, без косметики.

– Я не наркоманка и не пьяница. Просто обстоятельства такие. У меня вот есть одна тысяча рублей, довезите меня куда-нибудь, помогите устроиться хотя бы на пару дней. А потом я что-нибудь придумаю.

– Что с мужем не поделили?

– Пожалуйста... не надо... Если не верите мне, я лучше пойду...

– Постойте. Пойдемте со мной, есть у меня один вариант.

Сели в машину, таксист позвонил кому-то, объяснил ситуацию в двух словах, кажется, договорился отвезти ее в какой-то Новый Снопок.

– Новый Снопок, какое странное название. Что это?

– Поселок. У меня там одна знакомая живет, подруга жены. Хорошая женщина. Думаю, она и денег с тебя не возьмет. У нее недавно муж умер, так ей одной страшно ночевать. Моя жена к ней приезжала, чтобы составить компанию. А сегодня как раз не может, ей в Москву надо, в больницу, к операции она готовится.

– Спасибо вам. Вы мне хотя бы визитку оставьте, я вас отблагодарю, когда приду в себя.

Рассказать ему всю правду, выложить историю с потерей памяти и проживанием у пьяницы Олега в деревне Черная, где ее могли бы задержать по подозрению в убийстве каких-то там фермеров и где она ограбила магазин, она не могла. Все равно не поверил бы. Да что там, испугался бы и уж точно не повез к своей знакомой.

– Ее зовут Лидия Сергеевна, она живет на даче. Хотя какая это дача, большой дом, теплый. Она живет там круглый год. А сын ее, Феликс, работает в Москве, он киношник, то ли оператор, то ли сценарист, точно не знаю. Но парень хороший. Да только редко бывает у матери, работы много.

Голова так болела, что Зоя обхватила ее ладонями, сжала. Затем принялась массировать виски. В свое время одна знакомая показала ей несколько болевых точек, массируя которые можно было облегчить головную боль. Но на этот раз ничего не помогало. Она понимала, что ее отравили, сделали ей какие-то инъекции, которые вызвали кратковременную потерю памяти. Видимо, переборщили, раз так болит голова. Ведь прошло уже два дня. Идиоты! Думают, если у них много денег и они мужчины, то могут позволить себе такое вот развлечение? Совсем страх потеряли.

Интересно, что их так зацепило? Какие именно слова? Ну да, она высказала им в лицо все, что думала о них. Вероятно, наговорила много лишнего, оскорбила их, считавших себя чуть ли не богами. Моральные уроды, кажется, так она их назвала.

– Что – бил? – спросил таксист. Его звали Анатолий. Зоя была благодарна ему за то, что он вел себя сдержанно и вопросы задавал исключительно из сострадания, а не ради любопытства.

– Бил, – ответила она и почувствовала, что краснеет.

Конечно, ей довольно часто приходилось в жизни лгать, и эта ложь была адресована мужчинам, но то были другие мужчины, они сильно отличались от Анатолия. Мужчины, срывающие деньгами в «Золотой нимфе», – это особый сорт мужчин. Они высокомерны, эгоистичны, испорчены деньгами и своим окружением. Входя в стрип-клуб, они оставляют сердца и мозги в своих роскошных авто. Да и то если у них вообще есть, эти самые сердца и мозги. На девушек клуба смотрят как на живых кукол и уж, конечно, не видят в них людей.

Она тряхнула головой, прогоняя возникающие в мозгу картины своего пребывания в клубе.

– Вас не тошнит? Может, сотрясение мозга?

– Да, тошнит.

Она не думала, что ее били. Это не похоже на ее «закадычных» приятелей. Укол – и Владимирская область. Все. Но ее действительно тошнило, от этого укола. Интересно, за ней наблюдают, как в фильме «Игра»? Скорее всего, нет, иначе бы проявились. Значит, снова пари. Они помешаны на своих пари. Уроды! Сидят и ждут, выкарабкается она или нет. Вернется в Москву или нет. Упадет ли перед ними на колени или нет.

Интересно, если бы они знали, что у нее дети, так же повели бы себя? Или просто потеряли бы к ней интерес?

– Остановимся? Подышите свежим воздухом, – предложил Анатолий.

С обочины она сошла вниз, на цветущий луг. Клевер, маки, одуванчики, зеленая трава. Все было теплым, прогретым солнцем, и она легла. Закрыла глаза, и солнце сквозь веки показалось ей раскаленным шаром.

– Что, так плохо? – Анатолий склонился над ней.

– Нет-нет, наоборот, вот полежу три минутки, и сил сразу прибавится. Надо просто расслабиться.

– А то я уж испугался... Может, позвонить и пригласить врача, хотя там, кажется, один только фельдшерско-акушерский пункт?

– Нет-нет, ничего не надо. Я отлежусь, приду в себя и поеду в Москву. Просто сейчас мне надо на время исчезнуть, понимаете?

Лидия Сергеевна встретила Зою у ворот сочувствующим взглядом. Приятная хрупкая женщина, кудряшки скрыты под черной газовой косынкой. Голубые глаза заплаканны.

– Толя, а ты чего ж в дом-то не зайдешь? Я тебе щец налью, хочешь?

– Нет, мне надо обратно, я на работе. Вы уж здесь сами разберетесь, да?

– Спасибо вам, Анатолий, – сказала Зоя, пряча визитку таксиста в кармашек джинсов.

– Пожалуйста, положите меня куда-нибудь... Голова сильно кружится и болит, – попросила она Лидию Сергеевну, понимая, что пугает ее. Но уж очень не хотелось терять сознание прямо здесь, на улице.

Она не помнила, как добралась до постели, и когда открыла глаза, в комнате уже горел маленький ночник, в доме было очень тихо.

Зоя попробовала подняться. Покрутила головой. Головокружения не было. Только остаточная боль в затылке.

– Лидия Сергеевна!

Женщина вошла, легко ступая, тихо, как входят в комнату тяжелобольного.

– Как хорошо, что вы поспали. Вам лучше?

– Да, значительно.

– Быть может, поедите?

Зоя улыбнулась.

– Так я согрею?

– Хорошо. Спасибо вам, Лидия Сергеевна.

Зоя поднялась и, пошатываясь, вышла из комнаты. И почти сразу же столкнулась лоб в лоб с молодым человеком.

– Ох, извините, пожалуйста! – воскликнул тот, отпрянув от нее.

– Да ничего...

– Меня зовут Феликс, я сын Лидии Сергеевны.

Высокий, в джинсах и свитере, тонкое лицо, большие карие глаза. На вид лет двадцать пять.

– Зоя, – она протянула ему руку. – Вот, поселилась здесь...

– Да-да, мне мама сказала. Чувствуйте себя как дома. Вас здесь никто не найдет и уж точно не обидит. Пойдемте, я провожу вас к столу.

Он действительно оказался киношником. Оператор.

– Точнее – помощник оператора. Быть может, вы видели сериал «Обреченные любить»? Понимаю, не все уважают сериалы...

– Да что вы! Сериалы иногда если не спасают людей от одиночества, так хотя бы просто отвлекают от проблем! – Она сказала чистую правду. Когда ее мучила бессонница, она спала почти в обнимку с ноутбуком, смотря все сериалы подряд. Особенно любила комедии.

– Ну и хорошо. А то, знаете, такого иногда понаслушаешься!

– Я не киношный сноб. Но кино люблю. Особенно старое, французское. Хотя и Фассбиндера уважаю. Да и еще много кого.

– О, вижу, вы познакомились! – Лидия Сергеевна поставила на стол супницу. По комнате поплыл аромат капусты.

– Я кладу в щи семена укропа, нам так нравится. И Павел Николаевич, покойный мой муж, тоже очень любил. Но если вам не нравится, вылавливайте укроп...

– Нет, что вы, мне тоже нравится, – сказала Зоя, испытывая благодарность к хозяевам этого дома. – Я бы тоже клала, да только никак не куплю...

Она вдруг вспомнила борщ, который варила Катя ее сыновьям. Темно-красный, такой вкусный. И вот только сейчас почувствовала, что готова заплакать.

– Кушайте, вот сметана, черный хлеб. Если хотите, я принесу белый.

– Я тоже черный люблю.

За ужином говорили о разном. Феликс рассказывал о своей работе. О том, как непросто складываются у него отношения с оператором, как тот не доверяет ему, унижает.

– Между прочим, я сам снял несколько фильмов, короткометражек. Да и рекламу снимал. Быть может, помните – молочные продукты «Коза-Дереза»?

– Да, конечно, помню. Очень хорошая реклама.

– А хотите, я покажу вам один свой фильм, он совсем короткий, нет-нет, это не реклама. Просто такая зарисовка.

– С удовольствием!

– Вы сначала доешьте, а потом будете свои фильмы смотреть, – сказала, любуясь сыном, Лидия Сергеевна.

После чая с земляничным вареньем Феликс открыл ноутбук, усадил гостью поудобнее.

– Только, пожалуйста, не удивляйтесь. Сначала вам покажется... Словом, не стану пока ничего говорить, смотрите сами.

Это был короткометражный фильм про девушку, которую бросил парень-красавец. Плача, она брела по улице, падали осенние листья, накрапывал дождь. Чудесная мелодия облагораживала фильм. Навстречу ей шел молодой мужчина, увидев которого Зоя настолько удивилась, что с трудом скрыла это. Мужчина, который с необыкновенной нежностью принялся успокаивать девушку, а под конец фильма поцеловал, был как две капли воды похож на того парня, которого Зоя заметила в деревне Черная, рядом с сельским магазином.

– Ну, как тебе? – Феликс машинально перешел на «ты».

– Мне очень понравилось. И музыка замечательная. Кто композитор?

– Я, – улыбнулся Феликс. – Понимаешь, в чем фишка? Я – автор фильма. Сюжет мой, актеров я сам подбирал, музыку сам написал, все заснял, сделал монтаж...

– Это профессиональные актеры?

– Ой, нет, что вы! Девушка – моя знакомая скульпторша, а парень – просто человек с улицы. Я, когда его увидел, пошел за ним, меня просто потрясла его внешность. Вот он некрасив, по общим меркам, ну совершенно некрасив, но какой обаятельный, согласитесь! И лицо такое мужественное. Мы же привыкли, что на нас с экранов смотрят только красавицы и красавцы, а кто, собственно говоря, придумал все эти эстетические каноны?

– Совершенно с тобой согласна! Да, этот парень, может, и некрасив, но он здоров, у него хорошая кожа, волосы, зубы, он чист, а еще... как бы это сказать... – Она замялась. – Он сексуален, что ли...

– Вот! Именно! Посмотри, как он двигается, как улыбается... Он чертовски привлекателен. Это даже не мое мнение, а многих женщин, которые видели это кино.

Они долго еще сидели и разговаривали о кино, Феликс рассказал много забавных случаев из жизни известных актеров, показал множество своих фотографий со звездами.

Зоя слушала его, рассматривала мелькающие на экране снимки и думала с тоской о том, какая же пропасть разделяет сейчас этого молодого и талантливого оператора и ее с ее проблемами.

Медленно приходя в себя, она вдруг поняла, что в какой-то момент лишилась важной части своей жизни и стала мишенью для двух моральных уродов, и это произошло после того, как она попыталась поставить их на место.

Дети. А что, если и до них добрались? Может, их от нее спрятали?

В какой-то момент она готова была даже рассказать Феликсу о том, что с ней случилось, но уже одно только упоминание о ее работе в стрип-клубе может вызвать у него неправильную реакцию. Что, если он примет ее за проститутку?

Нет-нет, она ничего не расскажет. Да и чем он ей сможет помочь?

Чтобы не дать ему возможности переключить внимание на собственную личность, чтобы не возникло желания расспросить о том, что с ней приключилось и почему она прячется, она сказала вслух то, о чем думала последние сутки и что спасало ее, попавшую в тяжелейшую ситуацию, и давало возможность немного отвлечься.

– Если бы у меня были деньги, – сказала она, чувствуя, как ее отпускает и как ее сердце начинает биться сильно и часто, как это бывало с ней всякий раз, когда она затевала что-то дерзкое, отчаянное и интересное, что захватывало ее и заставляло жить и двигаться дальше, – я бы поставила «Гамлета», где главные роли играли бы некрасивые люди.

– Вау! – мгновенно среагировав, воскликнул Феликс. – Суперпроект!

– Супер – не супер, но такого еще не было, – продолжала она развивать свою еще совсем зеленую, молочной спелости, идею, радуясь тому, что разговора о своих проблемах удалось благополучно избежать. – Вот бы еще продюсера найти, чтобы увлечь его этим проектом!

– Да уж... Это, пожалуй, самое сложное.

– Можно было бы даже организовать такие... как бы это сказать, краткосрочные актерские курсы для тех, кто согласился бы сняться в этом кино.

– Да, ты молодец. Надо же, такое придумать!

– Вообще-то идею эту подал ты своим фильмом.

И они, под домашнее вино, начали фантазировать, мечтать.

Лидия Сергеевна ушла спать, а они проговорили до самой ночи.

– Феликс, возьми меня с собой в Москву, – вдруг попросила она его перед тем, как они разошлись по своим комнатам.

– Ты действительно хочешь этого? Тебя же вроде твой муж ищет.

– Ничего. Надеюсь, что не найдет.

– Да без проблем! Конечно, поедем вместе. Я же на машине, довезу, куда скажешь.

Она обняла его в порыве благодарности, и когда он попытался удержать ее в своих объятиях, она слегка, чтобы не обидеть его резкостью, отстранилась и поцеловала в щеку:

- Спокойной ночи, Феликс!
- Спокойной ночи!
- И думай, кто из твоих знакомых продюсеров мог бы увлечься нашим проектом.

6

– Не захочешь, никто тебя насильно в постель не затащит, – сказала Наташа Сурова.

Они сидели в кафе вдвоем, Зоя, Наташа и Юра. Пили кофе, Наташа рассказывала о своей работе в стрип-клубе «Золотая нимфа».

– Конечно, все мы люди, все мы человеки, сама понимаешь. Разные бывают случаи, здесь главное – как ты поведешь себя в самом начале. Это в клубе все как бы строго, а за его пределами – кто сможет тебе помешать встречаться с мужчинами? Разные судьбы у наших девушек. Кто-то уходит из клуба и превращается в клушу-наседку, если замуж, конечно, выйдет за одного из наших клиентов. И такие случаи были. Может, ты останешься работать в клубе, но вне клуба станешь постоянной любовницей одного из наших клиентов. Да что там, у нас есть и замужние девушки, мужьям которых фиолетово, что они занимаются стриптизом. Мужики, которые сидят на шее своих жен. Но плюсов все равно много, честно. Тебя там будут холить и лелеять, если ты, конечно, будешь иметь успех у мужчин и зарабатывать для клуба деньги. Все бесплатно – еда, услуги салона красоты, солярий, водитель... Даже жить можешь рядом с клубом, там есть комнаты для наших девушек. Ты должна хорошо выглядеть, танцевать так, чтобы у мужиков срывало крышу, должна быть раскованной, но не вульгарной... Рано или поздно у тебя выработается свой собственный стиль поведения, тебе дадут новое имя. Открой сайт... Вот, держи визитку и посмотри на наших девушек. Ты сразу все поймешь.

– Сколько там платят?

– В среднем сто пятьдесят – двести тысяч, это хорошие деньги. Ну, а если ты будешь выделяться, если на тебя будет спрос, то и до трехсот может дойти.

– Наташа, но это действительно смахивает на бордель!

– Не будь ханжой! Это не бордель. От тебя требуется танец, общение, ну и легкий флирт. Это все. Кроме того, ты в любой момент сможешь уйти.

Звучало заманчиво. Но всего Наташа, конечно, не рассказала. Распалив мужчину, что можно от него ждать? Он что, после клуба отправится прямиком в бордель? Что, если, попав туда, она окажется заложницей, наложницей? Конечно, было страшно. Но, зная Наташу, девочку из хорошей семьи, которая, потеряв родителей, взяла на себя заботу о младшей сестре и которая ни за что бы не стала работать в борделе, Зоя рискнула верить ей.

– Хорошо, я согласна. Что мне делать?

– Я договорюсь, чтобы тебя посмотрели, тебе назначат день и час. Приходи и сама все увидишь.

И она пришла. Предложили раздеться, танцевать. Сказали, что мало эротики, дали посмотреть записи частных танцев других девушек. Она просматривала их дома до тошноты. Хотя, конечно, тошнота была вызвана, скорее всего, токсикозом.

Дома, соорудив из стульев нечто наподобие станка, сначала разминалась, потом пыталась танцевать со шваброй в руках. Получалось смешно. Пришлось прибегнуть к помощи Интернета, нашла видео с шестовой акробатикой. Вечером следующего дня она позвонила Юре и сказала, что, наверное, откажется, что у нее не получается.

– Я сейчас приду, – сказал Юра.

Она танцевала для него, для парня, на которого женские чары не действуют, а потому могла на-деяться на его оценки исключительно в эстетическом аспекте.

– На мой взгляд, просто блеск! – сказал Юра, шелкая пальцами. – Отлично! Конечно, я не специалист, мало что понимаю в частных танцах, но как девушка, танцовщица ты смотришься просто великолепно. У тебя изумительное тело, ты обладаешь гибкостью, у тебя превосходная пластика. Кроме того, ты музыкальна, ты органично смотришься в танце.

Порепетировав несколько дней дома, Зоя придумала два танца и снова пришла в клуб.

Грузный, не очень-то приятного вида человек с недовольной миной смотрел на нее молча, лицо его ничего не выражало. Зоя станцевала второй танец.

– Завтра приходи, – сказал он, опрокидывая в себя рюмку с темно-коричневой жидкостью. «Коньяк», – подумала Зоя.

Первые дни она не танцевала, а просто сидела в сторонке, наряженная в зеленые прозрачные одежды (купальник и газовую юбку она одолжила у Наташи), и чувствовала себя девушкой на продажу. На нее обратили внимание, один клиент, молодой мужчина, заказал ее в отдельный кабинет, где она должна была перед ним раздеваться.

«Давай, Зоя, – сказала она сама себе, – тебе надо платить за квартиру и копить деньги на ребенка».

Вот этот первый частный танец с раздеванием она помнила смутно. Словно память, жалея ее, стерла почти весь ее ужас и стыд, оставив лишь ощущение того, что в какой-то момент она почувствовала свою власть над мужчиной. Он сразу же после танца дал ей свою визитку и предложил встретиться.

– Ты здесь недавно?

Наташа успела предупредить ее о подобных вопросах и научила, как отвечать.

– Тебя захотят снять, попытаются узнать, новенькая ты или нет. Уходи от ответа или отвечай расплывчато, но не груби. Но пусть мужик поймет, что ты с ним не пойдешь, что ты танцовщица, а не проститутка.

Зоя так и не поняла, какая разница мужчине, давно ты занимаешься стриптизом или нет. Разве что они посчитают тебя неопытной и постараются убедить тебя в том, что ты просто должна повестись на их предложение.

– Будь стервой, улыбайся им в лицо, танцуй, заводи, но не позволяй к себе прикасаться. Это золотое правило. Иначе вылетишь. О тебе среди мужиков пойдет определенная слава, а это нехорошо. Да и из клуба вылететь можешь.

Наташа и сама говорила полунамеками, всего не объясняя. Но Зоя, наблюдая за тем, как работает «Мия» (она же Наташа), довольно скоро разобралась в стиле поведения профессиональных стриптизерш и в какой-то момент почувствовала даже, что не испытывает стыда, раздеваясь.

– Вот скажи, – сказал ей как-то Юра, заглянувший к ней на ужин, – чем ты отличаешься от артистки балета? Количеством одежды? И все?

– У них шест горизонтальный, а пилон – вертикальная штука. И движения мои резко отличаются от балетных... Сам понимаешь.

– И всего-то? Кстати говоря, я тут недавно вычитал о вашей профессии. «Здесь платят, чтобы стояло, а не за то, чтобы трахаться. Здесь покупают не женщину, а мечту». Вот такие вот дела, моя дорогая Зоя. Так что теперь и мне все стало как будто бы ясно. А как там с охраной? Я имею в виду, тебя охраняют?

– Пока – да. А что будет дальше, не знаю.

– И как тебя теперь зовут?

– Лика.

– Невыразительно, но все равно мило. У тебя уже есть постоянные клиенты?

Зоя как раз подсчитывала деньги и раскладывала на столике.

– Вот это за квартиру, это на куртку, это на еду... Что? Постоянные клиенты?

Она ходила по дому в легких брючках и майке и была счастлива, что хотя бы здесь не надо раздеваться и танцевать.

– Да, появились уже постоянные, но какие же они скучные! Думают, что за деньги я расскажу им свою жизнь.

– А что, им это интересно?

– Да просто в душу лезут, когда мы остаемся в кабинете вдвоем. Расспрашивают, почему я пошла в стриптиз, словно я – проститутка и они готовы меня спасти. Короче, ведут себя по-идиотски. Но Наташа предупредила меня, почему они так себя ведут и какая у них цель.

– Даже я понял, – рассмеялся Юра. – Типа в душу лезут, хотят сыграть на твоих чувствах, пообещать горы золотые, а потом назначают встречу за пределами клуба, так?

– Примерно так.

– И что ты отвечаешь им на это?

– Ничего. Улыбаюсь.

Иногда и сам Юра, забывшись, заводил с ней разговоры о ее будущем.

– Вот скажи, ты действительно думаешь, что сможешь зарабатывать этой профессией?

– Юра!

– Но кто еще тебе скажет правду? Я переживаю за тебя, Зоя. Стрип-клуб, как мне кажется, это временная работа. Давай подумаем вместе, где и чем ты могла бы зарабатывать сама, без этого клуба? Быть может, тебе организовать свое шоу? Или договориться и выступать в ресторанах?

– Да чем ресторан отличается от клуба? Пьяные мужики, взглядами раздевающие тебя... Только в нашем клубе я зарабатываю стабильно и могу что-то планировать, а в ресторанах и чаевые меньше, да и заработок тоже.

– Наверное, я сейчас тебя сильно разозлю, если спрошу: почему ты не хочешь нигде учиться? Поступила бы в институт, университет. Ты же умная, способная.

– Точно разозлил! Ну не вижу я себя нигде, понимаешь? Не знаю, чем мне заняться и куда идти учиться. Seriously. Я не математик, не философ, не художник, не физик или химик... Не менеджер, не таксист... еще продолжать?

– Надеешься выйти замуж?

Зоя вспомнила Шорохоффа и почувствовала, как по щекам ее потекли слезы. Она заставляла себя не думать о нем. Не вспоминать. Но на ее ночном столике лежал его двухтомник. Сюрреалистический роман «Стеклянная гильотина» и пьеса «Реинкарнация поневоле». Роскошные, ни на что не похожие произведения, где он поднимает такие глубины человеческого подсознания, так манипулирует читателем, заводит его, шокирует и затягивает в свои миры, что не влюбиться в него просто невозможно. Шорохофф – это глыба, это сверхчеловек, это дьявол, это будоражащая сладость, которая заставляет твое сердце биться так, что оно готово взорваться в грудной клетке. О чем он пишет? О любви, о смерти, но чаще всего – о бессмертии. И каждый роман – это придуманный им мир.

Шорохофф и вопрос Юры о замужестве. Какая связь? А никакой. Просто она никогда в жизни не выйдет замуж и будет вечно любить своего гения.

Обыкновенного человека из плоти и крови, но с драгоценными мозгами и нежным телом, которое подарило ей ребенка. Пусть это будет его маленький волшебный клон. Мальчик с такими же разными, как у отца, сине-черными глазами.

- Садись, Юра, будем есть салат. Есть еще сыр, творог. Да, и вот еще – крекеры!
- Открой холодильник!

Юра! Оказывается, пока она принимала душ, он забил ее холодильник продуктами. И когда успел? Должно быть, она, впусив его, просто не обратила внимания на то, что он пришел не с пустыми руками.

- Спасибо. Какой же ты милый!

За ужином больше тема образования не поднималась.

– Раз уж мы так часто стали видаться и ты пытаешься направить мою жизнь в нужное, полезное русло, позволь и мне задать тебе вопрос: а у тебя какое будущее? Ты же тоже танцовщик, к тому же без диплома, и все еще продолжаешь заниматься в балетной школе. У тебя у самого какое будущее?

- У моих родителей бизнес, кроме этого, у меня есть друг, мы с ним готовим спектакль.
- Не поняла... Какой спектакль?

– Для гей-клуба, – сказал Юра, глядя ей в глаза в ожидании реакции.

Но реакции не последовало. Зоя сделала вид, что пропустила это мимо ушей.

- Думаешь, это принесет прибыль? – Она сделала акцент на деньгах.

– Уверен. Репетиции идут полным ходом. Мы планируем выпустить спектакль через месяц, а интерес к публике уже огромный. Конечно, не обойдется без скандала, но мы готовы...

Зое стыдно было признаться своему другу, что ее эта тема совершенно не задевает, не интересует и что ей было бы куда спокойнее, если бы Юра вообще не затрагивал тему геев. Но Юра в последнее время принял в ней такое участие, так согрел ее душевно, да и финансово помог в самое трудное время, что ей меньше всего хотелось бы его потерять. К тому же она слышала, что между женщинами и геями, как правило, со временем появляется определенная привязанность, искренняя дружба. В редкие минуты, когда она задумывалась об этом, ей начинало казаться, что идеальные, чистые и крепкие дружеские отношения между мужчиной и женщиной вообще возможны, когда в них нет секса. И эти размышления в какой-то мере угнетали ее, поражая вирусом сомнения ее нежную любовь и привязанность к Шорохоффу, к мужчине, близость с которым доставляла ей такое блаженство, которое, как ей казалось, подпитывалось и ее интересом к нему как к человеку и писателю.

– И что с ним теперь? – прошептала она, мысленно находясь в поиске Шорохоффа, пытаясь представить себе его жизнь без нее. Где он? В Париже? В каких он отношениях с женой? Неужели он и с ней так же нежен и страстен? Думать об этом было очень тяжело.

– Ты о ком? – Юра сразу догадался, что Зоя говорит не о спектакле. – Я же вижу, как ты страдаешь. Кто он?

Она снова мыслями вернулась в комнату. Перед ней сидел Юра – такой заботливый и по-своему нежный, который относился к ней, как брат.

– Жаль, что ты не мой брат, а то бы я тебе рассказала, – она попыталась улыбнуться. – Хочешь, я напеку блинчиков? Ты любишь?

– Зоя, ты не доверяешь мне? У тебя кто-то есть, и этот кто-то, как мне кажется, далеко. И, скорее всего, женат. Я прав?

И Зоя рассказала ему про свою встречу с Захаровым, которую организовал Пастухов, и про вечер в арт-галерее, где она увлеклась писателем Александром Шорохоффом, с которым потом, бросив Захарова, провела ночь.

– Не может быть! – воскликнул потрясенный Юра. Он слушал ее с таким вниманием, пропуская через себя всю информацию, что даже разволновался. – И он был твоим первым мужчиной? Неужели это правда? Ты, танцовщица, и так поздно...

- Не поздно, а нормально.
- Да ты просто уника! Но это же шикарная история!
- В каком смысле шикарная!
- Прекрасная, восхитительная!

Юра, не в силах скрыть свои эмоции, встал из-за стола, стянул с себя свитер и теперь ходил по комнате в футболке и джинсах, запустив пальцы в копну своих густых темных волос. Зоя с удивлением заметила, что он сильно вспотел, что лоб его мокрый!

- С тобой все в порядке?
- Да я и сам не знаю, что со мной. Это нервы, а еще у меня сильно развито воображение.

Я себе все представил. И как ты разговаривала с Захаровым...

- Кстати, ты с ним знаком?
- Нет, но слышал о нем. Богатая сволочь.

Зоя решила воспользоваться случаем, чтобы узнать больше о Захарове. Мысль о том, что рано или поздно они встретятся в «Золотой нимфе», немного волновала ее.

– Мужик очень, повторяю, очень богатый, женатый, но, по-моему, у него есть один пункт. У него нет наследника. Он сильно переживает по этому поводу. Подумывает о том, чтобы бросить жену и жениться на молодой женщине, которая родила бы ему детей.

- И что же не разводится?

– Все банально – она шантажирует его само-убийством. И не она одна, заметь, действует таким методом, чтобы удержать рядом с собой мужика. Итак, Захаров. Я понимаю, ты, должно быть, слегка нервничаешь и даже побаиваешься его, так? Ведь он может увидеть тебя в «Золотой нимфе». Так вот: он человек порядочный и мстить тебе не станет. Но ты должна знать, что у него есть еще одна странность.

Зоя чуть не спросила, нет ли у него склонности к мужчинам. Но вовремя сдержалась.

– У него есть друг, его фамилия Убейконь. Кажется, они друзья детства. Оба сильно поднялись, финансисты, тот тоже женат, но это не важно. Важно другое. Они, с одной стороны, друзья, близкие, дружат лет двадцать, понимаешь? Но, с другой стороны, они как бы соревнуются друг с другом, как дети. Это забавляет их. Да и вообще, их забавы и забавами-то назвать трудно. Вроде нормальные мужики, правильные, но поговаривают, что они развлекаются очень странным образом...

- В смысле? – Зоя почувствовала, как по спине ее змейкой скользнул страх.

– Шутки у них идиотские. Шутки или спор, не знаю. Однажды, к примеру, они напоили одного своего приятеля, который попытался обмануть Убейконя, там что-то связано с крупной суммой денег. Так вот, этого приятеля они на частном вертолете отвезли в лес и оставили там на сутки! Тот проснулся и ничего не понимает. В лесу, один, кругом ни тропинки, ничего. Его опустили в спальном мешке. Типа пошутили или наказали. Понимай как хочешь. Конечно, через сутки за ним прилетели, но ты только представь себе, что он испытал там, в лесу. Хорошо, что было лето и в спальном мешке была бутылка с водой.

- Он потом подал на них в суд?

– О чем ты говоришь, Зоя?! Он так испугался, что, думаю, ему до сих пор снится этот лес, этот кошмар... Нет, конечно, его потом оставили в покое, но как бы преподнесли урок, повоспитывали молодого и алчного парнишку.

- А ты как об этом узнал?
- Мне знакомый рассказал.
- Ерунда какая-то... Придурки!
- Они, помимо всего прочего, еще и спорщики.
- Терпеть не могу спорщиков! Все это глупо.

– Все началось с Клеопатры... – начал Юра, но Зоя, внезапно почувствовав тошноту, бросилась в туалет, где ее вырвало ужином.

– С тобой все в порядке? – услышала она, умываясь.

7

– Привет, подруга! – Зоя толкнула бедром молодую женщину, выбирающую на полке супермаркета творог. – Как дела?

Женщина уронила пачку творога, быстро подняла, выпрямилась и увидела перед собой высокую девушку в джинсах, красном свитере и черной бейсболке с надписью: «Мосфильм». Козырек бейсболки закрывал половину лица незнакомки.

– Тише, Катюша, это я, – шепнула она няне, откатывая ее тележку в самый угол, в отдел с соками, подальше от других покупателей. – Делай вид, что выбираешь сок.

– Господи, Зоя, как же я рада, что ты жива... – тихо заскулила Катя. Зоя успела заметить, что прежде пухленькая и веселая Катюша сейчас выглядит глубоко несчастной. Осунувшееся личико, слегка растрепанные светлые волосы, круги под глазами. К тому же она явно похудела.

– Я жива и здорова, относительно, правда. Из меня типа подопытного кролика решили сделать, но у них, как ты видишь, ничего не получилось. Отвезли меня, накачав какой-то химией, в глухомань, оставили на дороге, прикинь? Могла бы и умереть, если бы меня не нашли, не подобрали.

У Кати округлились глаза и открылся рот от удивления и ужаса.

– Ты мне главное скажи – как мои мальчики?

– Да все чудесно! Они в полном порядке, здоровы, – Катя пришла в себя.

– Слава богу!

– А я в полиции была, тебя ищут, – с виноватым видом прошептала няня Катя. – Не надо было этого делать?

– Очень даже надо! Ты все правильно сделала, тем более что все твои действия тоже были ими наверняка просчитаны. И мои поиски тоже отслеживаются. Так что считай, что ты меня не видела и со мной случилась беда.

– Зоя!

– Пусть они так думают, пусть понервничают.

– А ты сама-то где будешь?

– Пока еще не знаю, но вот на, держи, это телефон моего друга, Феликса, будем держать связь через него, поняла?

– Почти...

– Не паникуй, Катя! Веди себя правильно. Наведывайся время от времени в полицию, требуй, чтобы меня нашли. Поскольку никто из этих идиотов не знает, что мальчики – мои дети. Захаров же как-то раз увидел, как мы прогуливаемся с тобой и мальчиками в парке, и я сказала ему, что ты моя подруга и это твои дети. Так вот, пока они не знают, что у меня есть дети, за тобой они будут следить лишь постольку-поскольку, ты им интересна исключительно как моя подруга, с которой, в случае если я выкарабкаюсь, я должна встретиться или связаться. Возможно, они будут прослушивать твой телефон, следить за квартирой, поэтому пока что я не могу увидеть детей. Но потом, когда ты позвонишь Феликсу истроишь свой разговор таким образом, будто бы он – отец твоих детей и ты просишь у него денег, вы с ним встретитесь, и ты приедешь на встречу с детьми. Дальше он сам тебе все скажет и привезет тебя ко мне.

– Постой, чего они от тебя хотят?

– Думаю, они поспорили на меня, есть ли у меня мозги и способности или нет. Вырулю ли я из ситуации, которую они мне подстроили, или нет.

– Боже... – Катя прижала ладони к щекам и замотала головой. – И что же теперь делать? Вернее, не то! Я хотела спросить: зачем им это нужно?

– Катя, это очень долгий разговор, и он скорее философский, понимаешь? Мужчины хотят править миром, вот и все объяснение. Это вечное, как мир, соперничество между мужчиной и женщиной. Но этот разговор, я повторяю, не для супермаркета. Вот, держи, – и Зоя сунула ей в руки рулончик денег.

– Постой... – Катя, машинально спрятав деньги в карман курточки, вдруг заговорила, словно только что вспомнила: – Совсем забыла, вернее, растерялась. К тебе приходили. Тебя искали.

– Кто?

– Один мужчина. Высокий такой, худой. Не очень молодой.

Зоя напряглась. Кто бы это мог быть? И кто мог ее искать у Кати? Последние месяцы она жила у Захарова.

– И что ему нужно было?

Промелькнула нехорошая мысль, что ее разыскивал (не без помощи какого-нибудь нанятого им за деньги профессионального сыщика-детектива) кто-нибудь из постоянных клиентов «Золотой нимфы». Мужчин, которые хотели провести с ней ночь, становилось все больше и больше. Мерзость... Выйти на адрес, где она прячет своих детей!

– Ты открыла ему?

– Нет, дверь была на цепочке, и мужчина совершенно спокойно к этому отнесся. Он просто спросил, где ты, и все.

– И все?

– Я хотела сказать, что больше он ничего не говорил. Просто уточнил, здесь ли ты живешь, и когда я сказала, что нет, он спросил, вижу ли я с тобой, потому что он хочет тебе кое-что передать. И я сказала, да, конечно. Может, конечно, мне не следовало так говорить, но я же не знаю, кто это, подумала: вдруг что-то важное. Тем более что он просто передал мне небольшую коробку, завернутую в оберточную бумагу и заклеенную в нескольких местах.

– Ты ее, понятное дело, не открывала.

– Конечно, нет!

– Хорошо, возьмишь ее с собой, когда соберешься на встречу с Феликсом.

И вдруг Зоя, бросив взгляд на двух маленьких плюшевых мишек, которых Катя бросила в корзинку наряду с фруктами и ряженками-кефирами, заплакала. Тихо так, сдерживаясь из всех сил, чтобы не привлекать внимания.

– Как там Женечка? Макс? Как же я по ним соскучилась! Катя, милая, спасибо тебе, что ты не растерялась и продолжала заботиться о них. Кстати говоря, сколько времени прошло с тех пор, как я здесь у тебя была?

– Восемь дней, – отчеканила Катя. – А ты что, не помнишь?

– Почти все помню. Но последнее, что осталось в памяти, это пробка. Я сижу в моей белой машине, светит солнце... Лора! На заднем сиденье машины сидит моя Лора. Боже, где она теперь и что с ней сделали?! Ты не видела ее, может, они выбросили ее где-нибудь по дороге и она вернулась домой?

– Нет, Лорки не было...

– Так вот, я включила Моцарта и закрыла глаза... Пробки – это просто какой-то ужас! За время, проведенное в пробке, оказывается, можно и забеременеть, и родить, и умереть, и даже вот так исчезнуть, вернее, переместиться в пространстве, оказаться заколдованной. Но подробности потом. Мне пора. А ты купи моим деткам все, что они любят, себе что-нибудь приятное, букет цветов, к примеру, помаду и возвращайся. Кстати говоря, с кем сейчас они?

– С соседкой.

– Валентиной Петровой?

– Да. Я попросила побыть с детьми, чтобы сходить в магазин.

– Все нормально. Хорошо, Катя, я исчезаю. Жди звонка. Скоро, думаю, мы увидимся. Ах да, вот что еще: ноутбук! Захвати и мой ноутбук. Думаю, что Феликс сам приедет к тебе. За ним точно следить не будут, потому что он – лицо случайное, его никто из моих палачей не знает.

Катя схватила за сердце.

– Ты чего?

– Ты сказала – «палачи». Зоя, что же случилось? Было вроде все так спокойно...

– Потом, все потом.

Зоя развернула свою пустую тележку в противоположную сторону и покатила в отдел с овощами.

8

– Вот, смотри, – и Юра уставился в экран ноутбука, где несколько минут потратил на поиски нужного текста. – «Одно из самых древних пари в истории человечества было заключено между Клеопатрой и ее римским любовником Марком Антонием. Царица поспорила, что сможет за один ужин выпить вина на 10 миллионов сестерциев. Перспективы открывались весьма интересные, и Марк с удовольствием принял пари. Однако коварная женщина, естественно, схитрила. В самом начале ужина перед ней поставили бокал с винным уксусом, Клеопатра вынула у себя из уха огромную черную жемчужину, которая была известна своей баснословной стоимостью, и бросила в этот бокал. Карбонат кальция вступил в реакцию с уксусной кислотой, ослабил ее, и под конец ужина образовавшийся коктейль вполне можно было выпить одним эффектным глотком, что царица и проделала. Марк Антоний признал ее победу».

– Да, быть может, ты и прав, и Захаров с Убейконом развлекаются подобным образом, заключают какие-то тайные пари, коверкают жизни других людей, наказывают их, ставят эксперименты, соревнуются друг с другом...

– Вот сейчас ты попала в самую точку! Именно. Соревнуются! Быть может, они только на глазах других людей выглядят закадычными друзьями, а на самом деле кто знает, что они испытывают друг к другу? Так часто бывает, близкие, казалось бы, друзья протягивают тебе руку помощи лишь тогда, когда тебе действительно плохо, тяжело и ты нуждаешься в их помощи. Когда же тебе хорошо, ты добился чего-то, в твоей жизни произошли какие-то позитивные перемены, да ты счастливым почувствовал себя наконец-то, то все твои близкие друзья почему-то не рады. Они тебя любили, когда ты был беден и одинок, а когда, грубо говоря, поднялся и у тебя все сложилось отлично, ты стал их раздражать...

– Ладно, хватит о них уже. У богатых свои причуды.

– Вот! Именно об этом я и хотел тебе сказать, – сказал Юра, захлопывая ноутбук. – Они в какой-то мере опасны. Поэтому держись от них подальше.

На столе стояла баночка с майонезом. Зоя отвернулась – ее снова затошнило. Юра посмотрел на нее с сочувствием. Потом, не выдержав, спросил:

– Ты, случаем, не беременна?

– А что, сильно заметно?

– Мать, да ты что? И какой срок?

– Маленький. Совсем маленький.

– И ты собираешься работать в стрип-клубе?

– Ну да. Пока не видно. Я же не гантели там собираюсь поднимать!

– Но это рискованно.

Он замолчал, и Зоя поняла, о чем он хочет ее спросить.

– Я люблю Шорохоффа и аборт делать не собираюсь.

Юра заметно погрузнел.

– Ты чего?

– Так вот почему ты ушла из дома, от родственников... Был скандал?

– Нет, что ты, они ничего не знают о моей беременности.

– А отец ребенка?

– Тем более. Он – гений. Пусть творит, занимается своими делами, живет как хочет.

Оставить ребенка – это было мое решение.

– Но он хотя бы знает, что ты его любишь?

– Думаю, что нет.

– Почему ты не сообщишь ему об этом?

– Не хочу ему мешать. Думаю, он уже забыл меня. У него своя жизнь, я же говорила. Он женат. Правда, жена у него проблемная...

– В смысле?

– Желтая пресса утверждает, что она алкоголичка.

– Понятно. Она француженка?

– Нет, русская. Юра, пожалуйста, давай не будем об этом. Если тебе интересно, сам покопайся в Интернете и все узнаешь. Конечно, если всему этому можно верить.

– Можно вопрос?

– Валяй.

– Когда ты в галерее увидела Шорохоффа, ты что-нибудь о нем знала?

Знала ли она о нем?

Его книги – вот что знала. Она хотела ему рассказать о Шорохоффе, но в последний момент передумала. Она так ясно представила себе их дальнейшие разговоры о Шорохоффе, комментарии, высказанные Юрой после прочтения светской хроники, где бы упоминалось имя Шорохоффа, что ей стало даже как-то не по себе. И зачем она вообще рассказала про беременность? Могла же придумать, что просто съела что-то несвежее.

– Ладно, мне пора, меня ждут, – сказал закрытый на все пуговицы таинственный Юра, поднимаясь. – Что я тебе могу сказать, Зоенька... Береги себя и своего ребенка. Но я бы на твоём месте...

– Ты? На моем месте? – Зоя улыбнулась. – Ты никогда не сможешь быть на моем месте, Юрочка.

– Ты же отлично поняла, о чем я. Так вот, если бы я оказался в твоём положении, то занялся бы чем-нибудь другим, но не стриптизом.

– Вот заработаю денег, осмотрюсь, быть может, и найду себе что-нибудь более безопасное. Но ты же знаешь меня, я ничего не умею. Только танцевать.

– Давай договоримся с тобой, что, когда ты поймешь, что уже не можешь работать в стриптизе, я придумаю для тебя какой-нибудь другой проект. Тоже связанный с танцами. Возможно, это будет театр или антреприза. У меня есть человек, который все проплатит. Ты, главное, не исчезай, не растворяйся в этой новой своей жизни. И не забывай, у тебя есть я. Твой возлюбленный не достоин тебя, и ты это знаешь, иначе рассказала бы ему о своей беременности.

Зоя подошла и обняла Юру, поцеловала в висок.

– Спасибо тебе за все. И ты, Юра, всегда можешь на меня рассчитывать.

На следующий день она уже работала в «Золотой нимфе».

Было ощущение нереальности происходящего. Это как в зной, в самую жаруходишь в ледяную реку, бросаешься в нее, и тебе кажется, что сердце сейчас не выдержит и остановится.

Зое казалось, что с лица ее ни на минуту не сходила краснота. Она испытывала жгучий стыд за каждое свое движение в кабинете, где ей заказывали приват-танец. Пожалуй, она, соглашаясь работать в клубе, не до конца понимала, что от нее требуется. И почему-то пропустила мимо ушей, что приват-танец она будет исполнять без трусиков.

– Если гость откажется оплачивать приватный танец, потому что ты не удосужилась снять трусы, то ты сама будешь его оплачивать, – сказал ей ротатор. – Клиент должен видеть тебя всю, понимаешь, всю. А ты должна вызывать в нем желание.

– А если он вдруг набросится на меня? – Зоя в какой-то момент решила, что это будет первый и последний ее танец в «Золотой нимфе». – Если не сдержится?

– Тогда ему здесь делать нечего. К нашим девушкам прикасаться запрещено.

– Но мы же будем только вдвоем в кабинете, кто услышит, если я закричу?

– Не сгущай краски.

«Малыш, это все ради тебя», – настраивала она сама себя перед каждым своим выходом, перед каждым приватным танцем в кабинете, где она, едва сдерживаясь, чтобы не ударить клиента (просто потому, что он мужчина!), танцевала, демонстрируя свое пока еще гибкое и легкое тело. Она, извиваясь и дразня мужчину, подчас заводила его так сильно, что понимала по его взгляду и поведению – еще немного и он не сдержится, схватит ее, поймает в опасном танце, опрокинет на мягкий ковер и возьмет ее... Иногда ей казалось, что она слышит бешеное сердцебиение мужчины, которое колоколом отзывалось в ее раскаленной голове.

Работа была трудная, изнуряющая. Когда мужчина заказывал для нее напитки, она лишь касалась губами бокала, понимая, что уже только этим может вызвать недовольство ротатора, в случае если ему пожалуются на нее. Но жалоб не было. Пока что она своими танцами, своей работой лишь привлекала к себе мужчин, и поскольку была новенькой, то ее стали заказывать даже те мужчины, у которых до ее появления в клубе были свои постоянные девушки. Понятное дело, что возникали конфликты, обиженные на нее девушки устраивали ей в гримерной разборки, грубые, неприятные. Зоя слушала молча, зная, что их подслушивает находящийся за стеной ротатор, и, как правило, все эти разговоры приводили к штрафам девушек. Обстановка накалялась, Зоя начала даже подумывать о том, чтобы уйти из клуба. Но визит к начальству откладывала, потому что каждый вечер приносил ей помимо основного заработка еще и щедрые чаевые.

– Убью тебя, гадина, – набросилась на нее Вероника, красивая блондинка с зелеными глазами, как-то поздно вечером, когда Зоя вышла из клуба и ждала такси. Осенний ветер насквозь пронизывал ее разгоряченное, уставшее тело. Вероника появилась из-за угла, где поджидала ее.

– Что вам всем от меня надо? Я точно так же, как и вы, работаю. Все ваши мужики мне глубоко безразличны.

– Врешь! Я знаю, что Ренат, ты знаешь, о ком я говорю, назначил тебе свидание!

– Может, и назначил, да только я не согласилась. Повторяю: меня ваши мужики интересуют исключительно с финансовой стороны.

– Он предложил тебе содержание?

Зеленые глаза Вероники при свете фонаря казались прозрачными, холодными, как изумруды, черные зрачки буравили Зою ненавистью.

– Я здесь ненадолго, – сказала Зоя, кутаясь в шарф. – У меня ипотека. Как расплачусь, так сразу и уйду.

– Ты врешь. Ты все врешь.

И тут Зоя почувствовала опасность, она вдруг поняла, что Вероника может ее ударить и надо что-то делать. Она уже замахнулась на нее, как Зоя, поймав ее руку, сказала ей, глядя в ее глаза своим уже затуманенным взглядом:

– Запомни сама и скажи всем остальным: попробуйте поднять на меня руку или сделать что-нибудь против меня, вылетите отсюда, как пробки. И не факт, что целые и невредимые. Сломанный нос – это самое малое, о чем я смогу попросить своих друзей. Или вы думаете, что я оказалась здесь случайно? И у меня нет покровителя?

Такси мягко притормозило рядом, знакомый таксист приветственно кивнул Зое. Она отпустила руку Вероники.

– Ты все поняла?

– У тебя кто-то есть?

– Петр Аркадьевич Захаров.

Вероника отпрянула от нее. На самом деле ее звали Саша Ковалева, и в Москву она приехала два года тому назад из Оренбурга. Красивая, гибкая, с прекрасным телом, она полгода проработала моделью в агентстве среднего пошиба, потом, рассорившись с хозяйкой (увела у нее любовника), уволилась и два месяца училась на курсах шестовой акробатики, после чего и пришла в «Золотую нимфу».

– Захаров? Откуда ты его знаешь?

Зоя молча села в такси. Она и сама не могла понять, зачем она это сделала, зачем приплела сюда Захарова. Быть может, потому, что его имя было у всех на слуху? Конечно, она рисковала, ведь могло случиться такое, что в клубе он не появлялся, да и вообще, Вероника могла его не знать. Оказывается, знает. Или же не знает, но сделала вид, что знает. Испугалась, предположив, что Захаров – авторитет и с ним лучше не связываться. Или же вообще проверяла Зою, может, девушки поручили ей узнать, кто стоит за Зоей?

От Вероники пахло алкоголем. Может, она была влюблена в Рената, одного из клиентов, который ей что-то пообещал, может, они встречались за пределами клуба, и вдруг на ее глазах он, появившись в клубе, заказывает приватный танец не с Вероникой, а с Зоей.

Ренат, красивый молодой татарин, страстный и одновременно сдержанный. Лишнего не говорит, только комплименты. И на свидание он ее не приглашал, Вероника это придумала.

Уже дома, в душе, Зоя, наслаждаясь теплой водой и ароматами шампуня, размышляла о том, какой странной жизнью она живет. Всю жизнь мечтала быть танцовщицей и радовать людей красотой танца, а сама показывает под музыку все части своего тела, вызывая в мужчинах желание, обманывая их надежды, дразня их. И получает за этот обман деньги.

Быть может, она бы и не задумывалась над этим и спокойно работала, добывая деньги на беременность и роды, на квартиру и все необходимое, если бы сама в ту ночь, когда они с Шорохоффом сбежали из арт-галереи, не испытала сильнейшее желание. Она вдруг почувствовала, как мозг ее отключается и вместо него в голове закипает какая-то сладкая лава, сжигающая разум и распалюющая тело. Причем желание было направлено именно на Шорохоффа, мужчину, которого вряд ли кто мог назвать сексуальным. Ни прекрасного молодого тела, ни накачанных мышц, ничего такого, что должно нравиться девушкам.

Шорохофф был, конечно, не стар, и тело его было молодым и здоровым. Он был худощав, белые руки его были покрыты шелковистыми черными волосами, ноги – тоже. Но даже если бы его кожа была разрисована разными красками и покрыта чешуей, она все равно бы желала его. И объяснить это чувство к нему Зоя не могла.

Да, она боготворила его как писателя, ей всегда казалось, что ей хватило бы счастья просто находиться рядом с ним, сидеть, скажем, с ним на одном диване и разговаривать, философствовать, размышлять о жизни, расспрашивать о его романах, жизни, рассказывать о себе (хотя и рассказывать-то особо было не о чем), но почему же тогда, оказавшись в одной с ним компании в галерее и почувствовав лишь легкое прикосновение его руки на своей, Зоя потеряла разум? Почему Захаров, очень приятный мужчина, который проявлял к ней внимание и был увлечен ею, как она полагала, не вызывал у нее вообще никаких чувств? Разве что поку-

ражиться над ним, поиграть в кошки-мышки. А вот с Шорохоффым захотелось сесть в самолет и улететь на острова, где провести с ним всю оставшуюся жизнь. Откуда вдруг такое облако счастья, куда она провалилась с головой, как в сугроб?

А как он был нежен...

Она вышла из ванной в махровом халате, с тюрбаном из полотенца на голове, прилегла на диване, вытянув ноги. Кровь быстро бежала по жилам, словно по инерции, забыв вернуться в свое привычное состояние, темп. Зоя закрыла глаза – все вокруг сразу стало красным, как в кабинете, где она танцевала приватный танец. Бесстыдный танец.

Она замотала головой. Надо бы принять снотворное и уснуть. Но снотворное нельзя. Малышу это не понравится.

Она села за стол, открыла ноутбук. Набрала «Шорохофф». Картинки. Появилось великое множество обложек его книг, изредка попадались его портреты, но все какие-то несерьезные, словно вырезанные из контекста кино- или фото-коллекций. Вот Шорохофф за ноутбуком в своем парижском кабинете, слева от него большое окно с белыми решетками, а за ними – зелень сада. Или в парке на скамейке сидит с книгой в руках и читает. Такой неземной, красивый, элегантный, в серых брюках и песочного цвета пуловере. Где это он? А, в Лондоне. Ну да, его часто приглашают на какие-то конференции, встречи. О нем снимают документальные фильмы. Журналисты следят за его жизнью. А вот пожалуйста, полноватая блондинка – его жена Маша Шорохофф. Вот просто Маша. Никто. Алкоголичка. И далеко не его муза. Вышла за него замуж, когда он был студентом-филологом, и вот, повезло же, стала женой известного писателя, автора знаменитого романа «Стеклянная гильотина», переведенного почти на двадцать иностранных языков. А на гонорары от его спектакля «Реинкарнация поневоле», который идет в Париже, эта самая Маня покупает дорогущий виски или ром и напивается в их парижской квартире. Дура. Ведь могла бы воспользоваться своим положением (имеет возможность не работать!) и заняться творчеством. Зачем пить, когда можно, к примеру, рисовать, писать пьесы или рассказы, стихи, да хоть лобзиком выпиливать! Еще раз дура.

И детей у них нет. Что уж совсем непростительно. У такого человека, как Шорохофф, непременно должно быть потомство.

Вспоминать о ночи, что они провели вместе, Зоя заставляла себя фрагментами, какими-то короткими кадрами, чтобы не распахнуть все ворота сразу, а понемногу, небольшими порциями, желая оставить все самое важное, что заставляет так биться сердце, на потом. Какие-то его слова, комплименты, вопросы... Прикосновения – нежные, а иногда властные, неожиданные по своей силе, и следующие за ними ее ощущения. Скромность и нескромность. Сдержанность и пламенеющая раскованность. Страсть, переливающаяся разными оттенками, когда тебя бросает то в жар, то в холод... И боль, слаще которой ничего нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.